Н. А. РУБАКИН

Как заниматься САМООБРАЗОВАНИЕМ

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Н. А. Рубакин был видным методистом в вопросах самообразования. В настоящий сборник включены наиболее интересные и поныне сохраняющие свое назначение его высказывания о самообразовании.

При составлении сборника были использованы основные труды Н. А. Рубакина по теории и практике самообразования: «Среди книг», «Письма к читателям о самообразовании», «Практика самообразования», «Как и с какой целью читать книги», «О сбережении сил и времени в деле самообразования», «Вперед и вверх!».

Высказывания Н. А. Рубакина систематизированы в сборнике по разделам: «Что такое образованный человек», «Самообразование и личные особенности читателя», «Как читать книги», «О чтении художественной литературы» — и приводятся в сокращенном виде.

Сборник предназначается для широкого круга читателей. Здесь каждый найдет для себя полезный совет. Особенный интерес сборник представляет для тех читателей, которые, не имея полного среднего образования, стремятся расширить и углубить свои знания — специальные и общие — путем самообразования.

Очерк жизни и деятельности Н. А. Рубакина написан по архивным материалам, хранящимся в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

- Николай Александрович Рубакин
  -
  - НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РУБАКИН
  - ЧТО ТАКОЕ ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК
  - САМООБРАЗОВАНИЕ И ЛИЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧИТАТЕЛЯ
  - КАК ЧИТАТЬ КНИГИ
  - ВЫБОР КНИГИ
  - ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ
  - О ЧТЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
  - БЕЛЛЕТРИСТИКА КАК ОРУДИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22

Николай Александрович Рубакин
КАК ЗАНИМАТЬСЯ САМООБРАЗОВАНИЕМ

Николай Александрович Рубакин 1862—1946.

Николай Александрович Рубакин. Современному поколению советской молодежи мало или совсем неизвестно это имя. Помещенный в начале сборника очерк познакомит читателя с жизнью и многогранной деятельностью этого замечательного человека, выдающегося пропагандиста книги и талантливого популяризатора наук.

Н. А. Рубакин был видным методистом в вопросах самообразования. В настоящий сборник включены наиболее интересные и поныне сохраняющие свое назначение его высказывания о самообразовании.

При составлении сборника были использованы основные труды Н. А. Рубакина по теории и практике самообразования: «Среди книг», «Письма к читателям о самообразовании», «Практика самообразования», «Как и с какой целью читать книги»,

«О сбережении сил и времени в деле самообразования», «Вперед и вверх!».

Высказывания Н. А. Рубакина систематизированы в сборнике по разделам: «Что такое образованный человек», «Самообразование и личные особенности читателя», «Как читать книги», «О чтении художественной литературы» — и приводятся в сокращенном виде.

Сборник предназначается для широкого круга читателей. Здесь каждый найдет для себя полезный совет. Особенный интерес сборник представляет для тех читателей, которые, не имея полного среднего образования, стремятся расширить и углубить свои знания — специальные и общие — путем самообразования.

Очерк жизни и деятельности Н. А. Рубакина написан по архивным материалам, хранящимся в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Приношу благодарность сыну Н. А. Рубакина, профессору А. Н. Рубакину и сотруднице отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина Л. М. Ивановой за ценные советы, использованные при написании очерка.

Составитель сборника
Т. К. КРУК

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РУБАКИН

Бывают натуры, таящие в себе неиссякаемый источник деятельности, творческой энергии: она так и рвется из них, ища применения не в одном, так в другом. У них какое-то непреодолимое стремление вносить в жизнь нечто новое, свое. Такие люди, отдавая другим свои знания, способности, талант, не беднеют, не истощаются, а еще больше крепнут и богатеют. Работа, всегда активная и напряженная, — их стихия. День для них безвозвратно потерян, если они не смогли сделать что-нибудь полезное, определенное.

К таким неистощимо деятельным натурам принадлежал и Николай Александрович Рубакин. Писатель и ученый, выдающийся пропагандист книги и талантливый популяризатор наук, библиограф, крупный общественный деятель в области народного просвещения, Н. А. Рубакин своей многогранной деятельностью внес большой и интереснейший вклад в историю русской культуры конца XIX — начала XX века.

Николай Александрович Рубакин родился 1 (13) июля 1862 года в г. Ораниенбауме (под Ленинградом). Отец его — Александр Иосифович Рубакин, русский купец, был уважаемым человеком и избирался восемнадцать лет подряд городским головою. Мать Николая Александровича — Лидия Терентьевна, из крестьянской старообрядческой семьи, была умным передовым человеком и имела большое влияние на сына. Она много читала, интересовалась общественной жизнью, разделяла народнические взгляды 60-х годов, посещала кружок, где бывал Д. И. Писарев. Лидия Терентьевна открыла в Петербурге одну из частных публичных библиотек, которой пользовался широкий круг читателей. Двадцать лет работая среди книг, она научила сына любить книгу, верить в великую силу знания и привила ему стремление распространять знания среди трудового народа.

Отец хотел, чтобы сын его стал купцом. Но по настоянию матери мальчика отдали в реальное училище в Петербурге. Окончив пять классов, он выразил желание оставить реальное училище и поступить в университет. Родители не возражали. Юноша ревностно принялся за изучение древних языков — греческого и латыни, о которых не имел и понятия, и всех других предметов, какие проходили в последних классах гимназии. В то время можно было поступить в университет, сдав экстерном экзамены за курс гимназии. Без посторонней помощи за

тринадцать месяцев он подготовился, блестяще выдержал экзамены на аттестат зрелости и поступил на физико-математический факультет петербургского университета. С детства проявляя необычайную любознательность, он, учась на естественном факультете, одновременно слушал лекции исторического и юридического факультетов, выписывал лекции лучших профессоров из Москвы, Харькова и других городов. Н. А. Рубакин стал всесторонне развитым и широко образованным человеком. В 1887 году он окончил университет с золотой медалью.

Николай Александрович готовил себя к преподавательской и научной деятельности. Но за участие в нелегальном студенческом кружке и связь с революционной молодежью он еще в 1884 году оказался под надзором полиции, а затем в 1886 году был арестован и лишен права остаться при университете и заниматься педагогической работой. В дальнейшем Н. А. Рубакин неоднократно подвергался преследованиям полиции и высылкам из Петербурга на разные сроки. В 1907 году как «политически неблагонадежный» он вынужден был покинуть Россию и эмигрировать за границу — сначала в Финляндию (Выборг), а затем в 1908 году — в Швейцарию, где поселился в небольшом городе Кларане. В 1922 году Н. А. Рубакин переехал в Лозанну. Здесь он прожил до конца своей жизни. Умер Николай Александрович 23 ноября 1946 года. Урна с его прахом была перевезена на родину и погребена в Москве на Новодевичьем кладбище.

Вынужденный отказ от ученой карьеры, нежелание поступить на казенную службу, которая всегда отталкивала его своим однообразием и бюрократической атмосферой канцелярий, раздумья о том, каким образом служить своему народу, — все это определило направление дальнейшей деятельности Н. А. Рубакина. Его тянуло к живому делу, к людям. Он решил посвятить свою жизнь борьбе «против гнуснейшего вида неравенства — неравенства образования». Это стало его девизом, смыслом жизни. С ранних лет он общался с рабочими. Мальчиком Н. Рубакин вместе с братом продавал веники в банях своего отца и следил за тем, чтобы приказчик не воровал деньги из кассы. Здесь они знакомились с простыми людьми, разговаривали с ними и, с разрешения родителей, приглашали к себе домой на «литературные вечеринки», где рассказывались народные сказки, басни, случаи из жизни. Каждый был слушателем и рассказчиком. Так началось знакомство с жизнью, интересами и народной речью трудового люда.

По окончании университета Н. Рубакин четыре года работал

на бумагоделательной фабрике своего отца в Стрельне. Здесь он постоянно общался с рабочими, беседовал с ними, снабжал их книгами и т. д. Но вскоре он убедился, что рабочие не всегда понимали его, а он — их. Как будто они разговаривали на разных языках. Еще в детстве Николай Александрович решил, когда вырастет, написать для людей, обездоленных образованием, книгу обо всем, «энциклопедию всех знаний». Непосредственно столкнувшись с рабочими, Н. А. Рубакин пришел к выводу, что надо изучить язык, психологию, интересы тех людей, просвещению которых он стремился посвятить свою жизнь. Это еще больше укрепило его в решении писать книги не для тех, кому широко открыты двери для образования — школы, университеты, библиотеки, кто имеет время и возможности для учения, а для наименее подготовленного читателя, принужденного хватать знания когда и как придется, рвущегося к свету из тьмы и невежества.

В 1891–1901 годах Рубакин много странствовал по фабрикам, заводам и деревням России. С этого и началось его самое ближайшее знакомство с трудовым народом, там он и научился писать для него языком, понятным всем, даже малограмотным людям. Так стало осуществляться его давнишнее желание — работать для народа. Он задумал создать научно-популярную энциклопедию для малообразованных читателей. Над выполнением этой задачи он работал всю жизнь, написав серии научно-популярных книжек по всем отраслям знания.

Мировоззрение Н. А. Рубакина формировалось под воздействием различных философских и общественных течений того времени. Еще с юношеских лет, под влиянием матери, он впитал в себя народнические взгляды 60-х годов. Большое влияние на него оказали русские просветители второй половины XIX века — революционные демократы Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, Д. Писарев и другие, заветам которых он был верен всю свою жизнь. Рубакин был лично знаком с В. И. Лениным, Н. К. Крупской, Г. В. Плехановым, А. В. Луначарским, вел с ними переписку и поддерживал научную связь.

Н. А. Рубакин не стоял в стороне и от практики революционного движения. Его жена — Надежда Ивановна Рубакина — была учительницей тех же воскресно-вечерних рабочих школ на окраинах Петербурга, где в то время преподавали Н. К. Крупская, А. М. Коллонтай, Л. М. Книпович и многие другие учителя и учительницы из революционной интеллигенции. Рубакин постоянно оказывал им массу самых разнообразных услуг и большую помощь методическими советами о том, как заниматься с рабочими, какие книги

рекомендовать им. Н. К. Крупская не раз брала из библиотеки Н. А. Рубакина книги для рабочих Невской заставы. В то время его библиотека была первой из частных библиотек, которая бесплатно снабжала книгами рабочие марксистские кружки. На занятиях этих кружков учителя демонстрировали экспонаты Подвижного музея наглядных пособий, созданного Рубакиным с участием Е. Д. Стасовой при его библиотеке.

Н. К. Крупская, поздравляя Н. А. Рубакина с 25-летним юбилеем литературной и общественной деятельности, вспоминает о его помощи в 90-х годах в Петербурге воскресным рабочим школам. «Ваша питерская деятельность, — писала ока, — жива в моей памяти. Помню мои частые визиты к Вам и те ценные указания, которые в свое время получала от Вас»[1].

Враг самодержавия во всех его проявлениях, Н. А. Рубакин боролся против него всеми доступными ему средствами просвещения — легальными, а часто и нелегальными, — ловко обходя цензуру в своих очерках и особенно в публицистических статьях. Он часто размышлял над тем, что должна сделать интеллигенция, чтобы с помощью просвещения сломить гнет царского режима и уничтожить все виды неравенства — политического, экономического и духовного, как путем повышения общей культуры масс, борьбы с невежеством и темнотой, искусственно поддерживаемой правящими классами, способствовать выдвижению интеллигентов из народной среды.

Но в отличие от марксистов, последовательных революционных демократов, видевших единственный путь освобождения России в революционной борьбе против царизма, в свержении буржуазно-помещичьего строя и в социалистическом преобразовании общества, Н. Рубакин, оставаясь на позициях русских просветителей, переоценивал значение пропаганды научных знаний и роль культурничества в радикальном изменении общественного устройства.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция, «самая победоносная и самая крайняя революция», как называл ее Рубакин, смогла ликвидировать буржуазно-помещичий строй и установить власть трудящихся. Живя вдали от родины, но всегда оставаясь ее горячим патриотом, Н. А. Рубакин искренне приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию. И хотя, будучи оторванным от советской действительности и в силу своего мировоззрения, он не смог разобраться сразу во всех событиях того времени, правильно понять и оценить неизбежность острой, напряженной классовой борьбы в первые годы революции и в период становления Советской власти, Н. А. Рубакин уже в 1918 году заявил, что

считает себя советским гражданином, и он всегда это подчеркивал.

В одном из писем на родину в 1934 году он писал: «Здесь в Швейцарии я нахожусь вот уже 25 лет и работаю ни на минуту и никогда не чувствуя своей отрезанности от родной страны, — жил, живу и всегда буду жить и питаться прежде всего духом ее социалистического строительства. Вы знаете, что еще задолго до падения царизма я был энтузиастом и фанатиком рабоче-крестьянского трудового строя. На такой платформе остаюсь я и по сей день».

С детства он любил книги и всю жизнь прожил среди книг.

Библиотека, созданная в 1875 году в Петербурге Лидией Терентьевной Рубакиной, начавшись с 600 томов, доросла в 1907 году до 115 тысяч томов. В автобиографической заметке Н. А. Рубакин пишет, что «точная длина полок, битком набитых книгами, была в 1907 г. — 1 верста, 250 саж., 9 дюймов».

В этой первой библиотеке (1875–1907 гг.) и началась книжная деятельность молодого Рубакина. В двенадцать лет он участвовал в составлении каталога книг, периодических изданий и журнальных статей, находившихся в библиотеке. Все эти книги в дальнейшем прошли через его руки, он вписывал их в каталоги, просматривал, выдавал подписчикам, среди которых были люди различных возрастов, разных профессий, в том числе немало рабочих. В 1896 году Н. Рубакин взял на себя заведование библиотекой матери и превратил ее в большое культурно-просветительное учреждение.

Уезжая из России, Николай Александрович оставил эту огромную библиотеку в Петербурге, передав ее безвозмездно петербургскому отделу Лиги образования. Затем она перешла в Общество народных университетов, став таким образом достоянием трудящихся масс.

Из России в Швейцарию Н. А. Рубакин вывез только 7000 томов. Здесь он создает новую библиотеку, которая к концу его жизни выросла до 80 тысяч томов.

Сын Николая Александровича, А. Н. Рубакин в своих «Воспоминаниях об отце» пишет: «Книги в квартире Рубакина занимали все комнаты, все было занято книжными полками и даже под кроватью стояли пачки новых книг.

Книги и газеты нельзя было ни рвать, ни уносить из дому, где не было бумаги для обертки, старые газеты нельзя было уничтожать, они должны были составлять комплекты.

Н. Рубакину представлялось немыслимым тратить деньги на что-либо, кроме книг. Очень много книг он получал бесплатно. Ему их присылали ВОКС[2], Книжная палата, ему дарили и

завещали свои библиотеки русские эмигранты, бежавшие когда-то от царизма в Швейцарию, Францию, Италию. Так, к нему перешла библиотека А. И. Герцена от его дочери, жившей в Лозанне, и много других. Сам он не мог покупать такое количество книг, так как жил только литературным заработком.

Он всем дарил только книги, и только такие, которые у него были дублетом. На другие расходы он тратил деньги очень неохотно, но не из жадности. «Жадность» у него была только к книгам.

Но он не был «библиофилом» в обычном смысле слова. Он любил книги не за их «редкость», оформление, а за их содержание.

Книга для него была орудием трудящихся в борьбе за свои права, за лучшее будущее. Через книги он вошел в контакт со многими читателями, вел с ними переписку, изучал их жизнь…

Он мог писать только находясь среди книг, имея возможность в любую минуту взять в руки необходимую книгу» (А. Н. Рубакин. Среди книг. Воспоминания об отце. Автограф статьи хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.).

В Швейцарки библиотекой Рубакина — в г. Кларане, а затем в Дозанне — пользовались многие политические эмигранты, и не только люди, жившие в этих городах. Николай Александрович высылал книги в разные города и страны находившимся тогда в эмиграции В. И. Ленину, Н. К. Крупской, А. В. Луначарскому, Г. В. Плеханову.

В письме к Рубакину 15 января 1917 года Н. К. Крупская из Цюриха писала:

> «Многоуважаемый Николай Александрович!
>
> У меня к Вам большая просьба. Сейчас у меня начата одна работа по педагогике, для которой мне необходим разный русский материал (в частности, педагогические журналы за последние годы) Буду очень благодарна, если Вы разрешите пользоваться Вашей библиотекой. Хотелось бы приехать для этой цели в Кларан на 2–3 недели, но пока это трудно устроить. У Вас работает теперь наш близкий товарищ, Усиевич. Он не откажется пересылать книги. Насчет аккуратного возвращения книг и бережного с ними обращения — можете быть вполне спокойны (с этой стороны Вы меня знаете по прежним временам).
>
> Нередко вспоминаю с добрым чувством старые времена, когда частенько забегала в Вашу библиотеку и

Вы давали всегда массу сведений, столь необходимых при занятиях с рабочими.

Муж просит передать Вам его благодарность за разрешение воспользоваться книгами из Вашей библиотеки, необходимыми ему для реферата. Вернет их аккуратно.

Всего наилучшего.

С тов[арищеским] приветом Н. Ульянова (Крупская)»[3]

Очень часто обращался к Рубакину Г. В. Плеханов. Почти в каждом из 65 писем к Рубакину за 1909–1916 годы[4] Плеханов просит выслать ему книги в Сен-Ремо (Италия), в Париж, в Женеву и другие города. Это были книги очень разнообразные по содержанию: социально-экономические, философские, малоизвестные документальные источники, русские летописи, книги по вопросам религии, церкви и т. п. В этих письмах Г. В. Плеханов часто интересовался мнением Н. А. Рубакина о той или иной книге, спрашивал, не знает ли он каких-либо новых книг по тому или другому волновавшему его в то время вопросу. Эти письма характеризуют не только широту взглядов и теоретических интересов Г. В. Плеханова, но вместе с тем и огромную эрудицию Н. А. Рубакина, его внимательное отношение к людям. Плеханов относился к нему с большим уважением, всегда внимательно читал и рецензировал его труды, часто сам посылал ему на отзыв свои книги и статьи и высоко ценил его мнение. «…Я работаю с жаром и иногда говорю себе: надеюсь, что Николай Александрович одобрит мой труд. Право, мне Ваша похвала будет хорошим вознаграждением», — писал Г. В. Плеханов в одном из писем к Н. А. Рубакину.

Свою лозаннскую библиотеку, получившую широкую известность далеко за пределами Швейцарии, Н. А. Рубакин в конце своей жизни завещал в собственность русскому народу. После его смерти библиотека в 80 тысяч томов вместе с огромным архивом литературного наследства была в 1947 году перевезена в Москву и передана Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, где она находится, образуя фонд его имени (фонд «Рб»). В этом благородном поступке проявился высокий патриотизм Н. А. Рубакина, горячо любившего свою родину, свой народ.

Живя за границей, Николай Александрович никогда не терял связи с Россией, с русским народом, «для которого, — как он писал в одном из писем на родину, — я худо ли, хорошо ли, но во всяком случае изо всех моих сил и искренне проработал весь мой

век и еще намерен работать до конца дней».

После Октябрьской революции Н. А. Рубакин опубликовал много статей в зарубежной печати с целью разъяснить иностранцам глубокие исторические корни русской революции 1917 года и другие социально-исторические вопросы. Он писал много информаций о советской культуре, науке и жизни, нейтрализуя, сколько мог, злостную клевету на Советскую Россию, распространяемую реакционными и белоэмигрантскими кругами.

В 1930 году Совнарком СССР, оценив заслуги Н. А. Рубакина, его плодотворную деятельность в развитии культуры и народного просвещения, назначил ему персональную пенсию, которая регулярно высылалась в Швейцарию.

Еще будучи мальчиком, Н. А. Рубакин начал печататься в детских журналах. Первая его научно-популярная статья «Боготворение животных» была опубликована в журнале «Детское чтение» № 10, в 1877 году. Статья «Всегда ли люди умели писать» («Семейные вечера», № 1, 2, 1879 г.) написана им, когда он был учеником пятого класса.

С 1889 года Н. А. Рубакин стал участвовать во многих ежемесячных журналах. Он написал сотни научно-популярных книг и статей по всем отраслям знаний и на самые разнообразные темы: от математики, физики, астрономии, географии до истории, языкознания и т. д. Особенно много книг было посвящено раскрытию тайн природы, разоблачению религиозных предрассудков, суеверий и т. п. Девизом этих книг, как и всей его жизни, были слова: «Да здравствует книга, могущественнейшее орудие в борьбе за истину и справедливость!»

Необычайная широта тематики и мастерство изложения выявили в Н. А. Рубакине талантливого популяризатора наук.

Последовательно осуществляя главную цель своей жизни — бороться против неравенства образования, — Н. А. Рубакин стремился помочь трудовому народу пополнить свои знания этими книгами, написанными научно и вместе с тем интересно и увлекательно, простым, доходчивым языком.

В настоящее время большая часть его научно-популярных книг по содержанию устарела, так как достижения современной науки неизмеримо выросли. Но в свое время они сыграли большую роль в просвещении народа. Они проникали в самые глухие, «медвежьи» уголки России и зачитывались до полной истрепанности. Многие из наших современников старшего поколения, ставшие впоследствии видными общественными деятелями, писателями, учеными, педагогами и т. д., лишенные возможности в условиях царского режима получить

систематическое образование в школе, учились «по Рубакину». Еще в 20-х годах по читаемости книги Н. А. Рубакина стояли на первом месте.

Никита Сергеевич Хрущев в своей речи на третьем съезде писателей тепло отозвался о Н. А. Рубакине, упомянув, что когда-то он читал сочинение Рубакина «Среди книг» и много других его произведений и что он уважает этого писателя.

Учился по книгам Н. А. Рубакина Талантливый советский писатель К. И. Чуковский. В письме к Николаю Александровичу в 1911 году он писал:

> «Еще мальчишкою (помню) — как я собирал копейку за копейкой — складывал, чтобы купить Рубакина «Рассказы о делах в царстве животных», «Чудо на море», а позднее в Новом Слове, в Северном Вестнике[5] — я строчки Вашей не пропускал. Приходил в библиотеку, брал старые журналы — и сейчас даже шрифт помню, каким были напечатаны Ваши «Взыскующие Града». Какой Вы счастливый человек: Вы поняли, что нужно людям — и Вы делаете именно то, что нужно, несомненное дело. Каждая Ваша книга насущно нужна, — это не суфле, не шоколадный крем, — это хлеб. И сколько Вы уже сделали, сколько написали, скольких научили. И никуда не свернули в сторону. Вы беллетрист, но ни разу не написали повести «просто так, ни для чего». Вы — ученый, но и здесь не ушли в отвлеченности. Я был удивлен, когда увидел Ваш портрет: мне до того казалось, что Вы старый старик. И как понадобятся всем Ваши книги, когда в России заведут всеобщее обучение!»[6].

Доходчивость научно-популярных книг Н. А. Рубакина объясняется тем, что он хорошо знал своего читателя и умел писать для него. Н. А. Рубакин вырабатывает свой особый прием популяризации. Главное — как писать, каким языком, в какой форме сообщать знания народу, чтобы знания и идеи автора могли делаться достоянием широкого круга людей. Этому, утверждает Рубакин, нужно поучиться у того читателя, для которого пишешь.

Изучая читателей, Н. А. Рубакин пришел к убеждению, что научно-популярная литература, написанная языком тех читателей, для которых она предназначается, может вполне понятно и интересно изложить какую угодно отвлеченную научную мысль, если подходить к этому читателю с учетом склада его ума, подготовки и т. д.

После революции в нашей стране был переиздан ряд научно-популярных книг Н. А. Рубакина: «Подземный огонь» (1919 г.), «История русской земли» (1919 г.), «Вечное движение. Как работает Вселенная» (1925 г.), «Как и когда появились люди на земле» (1927 г.), «Новые меры, введенные в СССР. Что такое метр и метрические меры» (1927 г.), «Путешественники и переселенцы в царстве животных» (1928 г.), «Рассказы о великих и грозных явлениях природы» (1929 г.), «Среди шахтеров» (1958 г.), «Среди тайн и чудес» (1960 г.).

Большое значение придавал Н. А. Рубакин библиографии, и им написано много библиографических книг и статей.

Широкую известность получил его трехтомный библиографический указатель «Среди книг» (1911–1915 гг.) — по признанию Рубакина в предисловии к первому тому второго издания, самый большой труд его жизни, итог его библиографической работы. Он представляет собой «опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей». В этой своего рода библиографической энциклопедии дастся не просто перечень более 20 тысяч книг, вышедших с 1825 года. Здесь каждому разделу предшествует обзорная статья, в которой освещаются основные течения в данной науке, дается характеристика взглядов наиболее выдающихся авторов, указания на сильные и слабые стороны рекомендуемых книг.

В. И. Ленин в рецензии на второй том «Среди книг» дал высокую оценку этого труда. Владимир Ильич писал, что «издание подобного типа представляет громадный интерес и что план автора, в общем и целом, вполне верен… Ни одной солидной библиотеке без сочинения г-на Рубакина нельзя будет обойтись». Вместе с тем В. И. Ленин указал на недостатки этого капитального труда — эклектизм[7] автора и недостаточно широкое обращение за сотрудничеством «к представителям разных течений во всех областях знания» (Полн. собр. Соч., т. 25, стр. 111, 112, 114).

В этом же втором томе «Среди книг» помещена краткая заметка Ленина о большевизме, которую он написал по просьбе Рубакина.

Необычайная широта содержания «Среди книг» в сочетании с разносторонним использованием библиографического материала сразу привлекли внимание широкой общественности и вызвали много откликов. Такого обзора книжных богатств до сих пор не было не только в России, но и в других странах. «…Считаю Ваше издание настоящим благодеянием для нашего брата писателя, которому без таких справочных изданий просто беда», — писал Г.

В. Плеханов Н. Рубакину. А для трудящихся, для читателей из народа это «справочное пособие для самообразования» было настоящим кладом. Советский писатель А. С. Новиков-Прибой, тогда еще матрос, делавший первые шаги в литературе, писал Рубакину: «Не нарадуюсь я, перелистывая Вашу книжку. Сохраню ее на всю жизнь. Она будет для меня лучшим советником по части чтения. Мало того, с помощью ее я сумею сделать указания по выбору книг и своим товарищам — матросам, солдатам, рабочим и крестьянам, которые больше, чем кто-либо, нуждаются в этом».

В настоящее время по содержанию, особенно по отбору материала, указатель «Среди книг» устарел, хотя для специалистов он и сейчас представляет интерес и может быть использован в любой отрасли знания. Но по масштабности это ценной методическое пособие и поныне не имеет себе равных.

Н. А. Рубакин справедливо считал, что правильное руководство чтением может быть только тогда, когда знаешь читателя, условия его жизни, знаешь, какие именно книги его интересуют, какое влияние они на него оказывают.

Н. Рубакин утверждал, что интересы читающей публики всегда отражают уровень развития общества и общественной культуры в данный исторический момент, что по настроению читателей можно до некоторой степени судить и о настроении их среды, что стремления и тревоги общества тотчас же отражаются на выборе книг, которые требуют для своего чтения наиболее чуткие элементы из читательской среды. Если читателей начинает волновать какой-нибудь вопрос, они сейчас же ищут в книгах ответ на него. Если же читающая публика откосится к выбору книг равнодушно, с апатией, читает «что-нибудь», глотая все, что придется, то это также служит прекрасным показателем читательского и вместе с тем и общественного настроения. Изучение истории читающей публики, по мнению Рубакина, одна из интереснейших страниц в истории общественного развития (см. «Этюды о русской читающей публике». СПб, 1895, стр. 1–2).

Стремясь лучше познать своих читателей, Н. А. Рубакин стал еще пристальнее изучать рабочих. Его интересовали психологические типы рабочих, их читательские интересы, а главное: способен ли русский пролетариат выдвинуть из своей среды собственную интеллигенцию? Как этому помочь с помощью просвещения?

С этой целью Н. Рубакин составил особую анкету под заглавием «Опыт программы для исследования литературы для народа» и напечатал ее в 1889 году в журнале «Русское Богатство», а также отдельным изданием.

Вскоре Рубакин стал получать ответы на вопросы, поставленные в «Программе». Это были письма читателей, их дневники, автобиографии, исповеди. Почти во всех из них говорилось о влиянии книги и о переменах в духовной жизни человека под ее влиянием. Так завязалась обширная переписка с читателями — рабочими, крестьянами, солдатами, матросами, учителями, начинающими писателями из народа и другими читателями, которых Н. А. Рубакин всегда считал своими заочными друзьями. С этого времени Рубакин упорно и систематически изучает особенности восприятия книг разными категориями читающей публики, ведет личные наблюдения над широким кругом читателей. Все это послужило материалом для его прекрасной книги «Этюды о русской читающей публике».

Н. А. Рубакин считал своим долгом и ввел это в систему своей работы — отвечать лично каждому читателю, к нему обратившемуся, письмом с указаниями, приспособленными к индивидуальности данного человека. Он не только писал ответы, но и составлял для каждого читателя план самостоятельных занятий, подбирал подходящую именно для него литературу. Книги подбирались им так, что они заставляли человека думать, сопоставлять, помогали ему осмысливать окружающую действительность. «Чтобы указывать такие именно книги, — писал Н. А. Рубакин, — мы с письмами читателей в руках роемся на книжных полках, — в книгах, трактующих по тому вопросу или о той области знаний, которые ему желательно изучать, и выбираем из целого ряда существующих, научно ценных книг именно ту, которая, если и не в п о л н е, то во всяком случае наиболее удовлетворит его» («О сбережении сил и времени в деле самообразования», 1914 г., стр. 100).

Эта кропотливейшая работа, проводимая бесплатно, с затратами большого труда и времени, требовала не только широкого кругозора, энциклопедических знаний, но и необыкновенного человеколюбия.

Н. А. Рубакин переписывался с тысячами читателей из народа. Многим из них он помог найти, определить свой жизненный путь, многих он поддерживал своей неизменной бодростью духа в тяжелые времена царизма. «Народная масса Вас любит больше, чем кто-либо. Вас читает Россия», — писал А. С. Новиков-Прибой, поздравляя Н. А. Рубакина с 25-летием его литературной и общественной деятельности.

Неоднократно Николай Александрович вновь и вновь рассылал анкеты, вопросники, печатая их в различных журналах. Таким образом, круг его учеников и учениц все расширялся. Он сам говорил, что устроил у себя «народный университет» путем

переписки. До 1940, года им было получено 20 тысяч писем читателей, со значительной частью которых переписка продолжалась годами.

По совету Н. А. Рубакина и при его поддержке занялись литературной деятельностью А. С. Новиков-Прибой, А. А. Демидов, Павел Низовой и другие молодые талантливые самоучки. Н. А. Рубакин всегда внимательно, по-отечески тепло следил за их ростом. Они вверяли ему свою судьбу, посылая каждую новую работу и с волнением ожидая его оценки и советов.

Одновременно эта молодежь и училась по книгам Рубакина. Его научно-популярные книги и труды по вопросам самообразования являлись в то время для них своеобразным университетом.

> «О Вас я, дорогой Николай Александрович, вспоминаю с благодарностью, — писал Рубакину А. С. Новиков-Прибой. — На Ваших научно-популярных книгах я, как самоучка, воспитывался. Они заменяли для меня школу. А потом, продолжая умственно развиваться, я руководствовался Вашими указателями, — что читать и как читать. Они были для меня профессорскою головою. До знакомства с Вами я не видел ни одного живого писателя. Вы были первым. А в то время у меня было представление о писателях, как об адмиралах во флоте, — боязливое. Помню, как волновался я, впервые отправляясь к Вам на квартиру. Но Вы встретили меня, начинающего в литературе, с доброй улыбкой, по-отечески обласкали, окрылили. Словом, знакомство с Вами — личное и по книгам — дало мне возможность положить под череп капитал знаний, который никто не украдет и не конфискует. Вот почему я так много обязан Вам».

Сообщая Н. Рубакину о том, что Художественный театр принял к постановке пьесу Павла Низового «На земле», Новиков-Прибой пишет: «Ваша давняя мечта осуществляется на деле: прет народишко из низов в русское искусство».

Живя в Швейцарии, Н. А. Рубакин стремился к тому, чтобы лучшие произведения советской литературы были известны за границей, в Европе и Америке, и активно этому помогал.

Н. А. Рубакин ежегодно составлял списки 40 наиболее замечательных книг, появившихся в течение данного года на русском языке. Все эти книги предварительно прочитывались Рубакиным лично. Списки печатались на французском языке и

широко распространялись в 52 государствах.

Н. А. Рубакин относился к этому делу с чувством большой ответственности, зная, что если он не будет давать русские списки, то их «составление перейдет в Париже в руки черносотенцев или кого другого в этом роде».

Рубакин добровольно принимал на себя все хлопоты по изданию за границей отобранных им лучших произведений советских писателей. Он подыскивал переводчиков, следил за тем, чтобы переводы были хорошие, договаривался с зарубежными издательствами об их опубликовании, печатал рецензии на эти книги в заграничных газетах и журналах.

В 1924 году Н. А. Рубакин сообщил А. Демидову, что «намерен писать о многознаменательном литературном явлении, которое ныне совершается в России: трудящийся класс выдвигает из своих недр своих собственных писателей, проникнутых его идеалами и умеющих писать смело, бодро, проникновенно, красиво и жизненно-правдиво».

Деятельность Н. А. Рубакина по пропаганде советской книги была настолько кипучей и разносторонней, что К. И. Чуковский справедливо писал ему: «Вы в моих глазах — не человек, а учреждение».

Вся эта огромная работа, проделанная совершенно безвозмездно, исключительно с целью информировать общественность за рубежом о положении науки и литературы в СССР, познакомить ее с жизнью, бытом и культурой советских людей из первоисточников, а не из лживой и продажной буржуазной прессы и белоэмигрантских кругов, способствовала укреплению культурных связей Советского Союза с зарубежными странами.

Близкое знакомство с русской читающей публикой, работа в библиотеке и стремление создать энциклопедию знаний для народа привели Н. Рубакина к редакционно-издательской деятельности. С 1894 по 1903 год он вел организационную работу и был редактором в больших русских издательствах О. Поповой, И. Сытина и др. По его инициативе и большей частью под его редакцией издано более 200 книг (сочинения Г. Спенсера, Ч. Дарвина, Э. Реклю и т. д.).

Одновременно с обширной редакционно-издательской деятельностью Н. А. Рубакин на основе изучения читателей и книг пишет статьи и руководства по теории и практике самообразования. Он печатает на страницах газеты «Русское Слово» (1912 г.) свои «Письма к читателям о самообразовании» и много статей на эту тему помещает в журналах «Вестник знания», «Новый журнал для всех» и др. В результате обработки

колоссальной коллекции писем читателей и ответов на них «Письма к читателям о самообразовании» вышли в 1913 году отдельным изданием.

В «Письмах» наиболее полно изложена его теория самообразования. Эта книга вызвала широкий отклик читателей, какого не ожидал и сам Рубакин. Он получал 8 тысяч писем со всех уголков России, главным образом от трудящихся. Писали рабочие, крестьяне, ремесленники, конторщики, мелкое чиновничество, сельская интеллигенция — учителя и т. д.

В рецензии Н. К. Крупской на «Письма к читателям» сказано: «Вопросы самообразования обсуждаются в книге под очень широким углом зрения, попутно разбирается ряд соприкасающихся вопросов общественного и философского характера. Не во всех вопросах можно согласиться с автором, далеким от классовой точки зрения, но его громадная заслуга в том, что он сумел поставить вопросы самообразования в правильной перспективе… Читателю невольно передается любовь автора к книге, его вера в великую силу знания… Важно не только прочесть эту интересную книгу, но проштудировать ее…» (Журнал «Народное просвещение», 1918, № 21, стр. 14).

«Практика самообразования» (1914 г.) является непосредственным продолжением «Писем» и написана на основании откликов читателей на этот труд, но уже несколько в другом плане. Как сказано в предисловии, это — «опыт системы самообразовательного чтения применительно к личным особенностям читателя». В книге два отдела. В первом отделе изложены основные принципы самообразования и методы постановки самообразовательной работы. Второй отдел — библиографический — содержит рекомендательные списки литературы для самообразовательного чтения. Если содержащиеся в этой книге классификация наук и рекомендуемые списки литературы устарели в настоящее время, то практические советы — как самостоятельно работать над книгой и усваивать прочитанное, как заниматься самообразованием, чтобы стать разносторонне образованным человеком, полезным членом общества, — полностью сохранили свое значение и представляют большой интерес для современного читателя. Вполне созвучны нашему пониманию высказывания автора о беллетристике как орудии эстетического воспитания и общего духовного развития человека.

Книги «О сбережении сил и времени в деле самообразования» (1914 г.), «Вперед и вверх!» (1921 г.), «Как и с какой целью читать книги» (1921 г.) варьируют названные Выше работы Н. А. Рубакина по теории и практике самообразования.

Среди неопубликованных рукописей Н. А. Рубакина по вопросам самообразования интересно отметить его труд «К творческой работе в обыденной жизни»[8]. Еще с большей силой, чем в названных выше работах, здесь утверждается мысль о том, что всякий труд — во всех сферах деятельности человека, — будь это труд ученого или ремесленника, — должен быть творческим.

Под творчеством Н. А. Рубакин понимает любовное отношение к делу, труд осознанный, согретый любовью к людям, постоянное стремление вносить в жизнь нечто новое, преобразующее ее и в области производства, и в области культуры, и в области быта и т. д., то есть творить все то, что облегчает и украшает жизнь людей. Творчество в обыденной жизни означает, по Рубакину, что труд, совершаемый с пониманием его общественной значимости, должен входить в жизнь человека как составная часть его личности.

Но то, о чем мечтал Н. А. Рубакин, могло осуществиться только в социалистическом государстве. Именно о творческой деятельности во всех областях, жизни, которая становится особенно плодотворной и доступной для всех членов общества в условиях перехода к коммунизму, говорится в новой Программе КПСС. Замечательные слова о творческом труде сказал Н. С. Хрущев в Отчетном докладе XXII съезду партии: «Коммунизм и труд — неотделимы… Человек красив и славен своим трудом, своими делами, тем, что он создал, что совершил. В труде раскрываются способности и таланты людей, гений человека, в труде — бессмертие человечества».

Книги Н. А. Рубакина по самообразованию, как и его письма к читателям, всегда полные доброжелательства и внимания к человеку, проникнуты глубокой убежденностью в том, что всякий желающий может своими собственными силами только при некоторой помощи со стороны стать образованным человеком. Главная цель образования не только получить какой-то комплекс знаний в области той или другой науки. Н. А. Рубакин рассматривает самообразовательную работу гораздо шире: главная цель — это выработка мировоззрения, под которым он мыслит не только знание и понимание жизни, но и направление симпатий и антипатий, этические и социальные идеалы, а также умение их осуществлять. Яркой нитью во всех работах Рубакина проводится очень важная мысль о том, что каждый образованный человек должен овладеть искусством распространения знаний, передачи его другим, иначе знания будут лежать мертвым капиталом в голове человека. В распространении знаний всеми доступными способами и заключается общественный характер образования. И эту мысль Рубакин настойчиво повторял в своих

книгах, статьях и письмах о самообразовании. И он имел на это право, будучи сам выдающимся распространителем знаний.

В его трудах по самообразованию имеется немало интересных мыслей, высказываний, обобщений, не потерявших до сих пор своей остроты и актуальности, и ряд важных методических советов по вопросам самообразования, которые могут быть полезны современным читателям, стремящимся пополнить и углубить свои знания путем самостоятельной работы над книгой.

На основании многолетнего изучения читателей и книг Н. А. Рубакиным была создана специальная теория — «библиологическая психология», или «библиопсихология». Эта теория психологии читательства, по мнению Рубакина, представляет собою отрасль психологии, изучающую человека как читателя, процесс чтения, влияние книги на человека, творческое взаимодействие между писателем и читателем.

В начале 30-х годов теория библиопсихологии Н. А. Рубакина, основные принципы которой были изложены в его книге «Психология читателя и книги» (Госиздат, 1929), подверглась резкой критике. Эта критика была, к сожалению, односторонней потому, что, указывая на его ошибки, она пренебрегла всем богатейшим опытом выдающегося книговеда и замалчивала все положительное в его деятельности. Этим объясняется то нигилистическое отношение к Н. А. Рубакину, которое было в течение ряда лет. Только в 1957 году появились статьи, в которых деятельность Рубакина рассматривается объективно и справедливо. Наиболее интересная и содержательная из них — статья К. Г. Мавричевой «Н. А. Рубакин — выдающийся пропагандист книги («Советская библиография». Вып. 45. М., 1957 г.).

Образцом правильного отношения к деятельности Н. А. Рубакина являются высказывания о нем В. И. Ленина и Н. К. Крупской, в которых, наряду с указанием на недостатки и ошибки Рубакина (его эклектизм, аполитичность, надпартийность), с уважением говорится о нем как о человеке много наблюдавшем, много думавшем и много поработавшем в области культуры и народного просвещения России.

Научно-популярные брошюры Рубакина, его библиографические труды, книги по самообразованию, личная помощь трудящимся в приобретении знаний являются своеобразнейшим вкладом в развитие русской культуры.

Есть еще одна область, где имя Н. А. Рубакина пользовалось широкой известностью и работы его имели большое общественное значение. Это — его публицистические статьи, направленные, главным образом, против царизма, на

разоблачение самодержавно-помещичьего строя, принижающего человеческое достоинство миллионов трудящихся, против высших чиновников царского правительства, которые, состоя членами Государственного совета, расхищали народные средства.

Публицистические статьи Н. А. Рубакина чаще всего представляли собой статистико-экономические обзоры, основанные на документальных данных, фактах, цифрах.

В 1905 году была опубликована брошюра «Архив государственной мудрости или злачное место идеже государственные раки зимуют. Опыт статистического исследования Государственного Совета по официальным данным» (сокращенное название — «Государственный Совет в цифрах»). Эта обличительная брошюра, написанная по материалам, извлеченным из секретных правительственных изданий, и разработанная Рубакиным по всем правилам статистики, вызвала против него бурю негодования. О ней шли разговоры на заседаниях Государственного Совета, и вскоре она была изъята цензурой.

По этим же секретным материалам были написаны статьи «Бюрократия в цифрах» и «Много ли в России чиновников», получившие широкое распространение.

Н. А. Рубакин написал около 30 нелегальных статей под псевдонимом Сергей Некрасов. Его антимилитаристская книга «Великие войны и борьба с войной», напечатанная в 1908 году, разошлась в количестве 1 500 ООО экземпляров.

В. И. Ленин высоко ценил публицистические статьи Н. А. Рубакина и в некоторых своих работах ссылался на отдельные положения из этих брошюр («Государственный Совет в цифрах», «Россия в цифрах», «Наша правящая бюрократия в цифрах» и др.).

Н. А. Рубакин-писатель был автором многих литературных произведений, весьма разнообразных и по жанру и по тематике. Он писал сказки («Дедушка Время», «Сон накануне Нового года» и др). По наблюдениям и материалам, собранным во время странствий по фабрикам и деревням России в 1894–1896 годах, Рубакин написал цикл рассказов и очерков «Искорки», в которых вывел новый тип русских рабочих-революционеров. Это создало ему славу революционного беллетриста. Много им было издано произведений, посвященных историческому прошлому рабочих и крестьян. Отдельными сборниками были опубликованы его очерки о выдающихся людях мысли и труда, о самоучках и народных умельцах. Н. А. Рубакин часто писал под псевдонимами: Н. Александрович и Книжный червяк. Его беллетристические произведения часто имели иносказательный смысл, за которым скрывалась их социально-политическая

направленность.

Н. А. Рубакин проявил себя как талантливый очеркист, и как бытописатель, и как сатирик. Он впервые употребил выражение «размагниченный интеллигент» в статье под таким заглавием, имея в виду человека, у которого не хватает мужества искренне сознаться в утрате прежних идеалов, живости души и лживо пытающегося доказать, что не его душа мертва, а, мол, сама жизнь остановилась, омертвела.

Творчество Н. А. Рубакина-писателя заслуживает специального изучения.

Итоги 60-летней литературной, научной и общественной деятельности Н. А. Рубакина выражаются в очень солидных цифрах: им написано более 250 научно-популярных книг и брошюр (тираж которых превышает 20 миллионов экземпляров), из них 47 были до революции изъяты цензурой; более 350 статей, не считая газетных, опубликованных в 115 периодических изданиях — русских и иностранных; составлено более 20 руководств по самообразованию и разного рода библиографические указатели. Наибольшей известностью пользуется его капитальный труд «Среди книг» в трех томах. Переводы книг Рубакина имеются на 28 языках, в том числе на языках народов СССР, а также на румынском, болгарском и китайском. Им написано и разослано 15 тысяч индивидуальных программ по самообразованию. Собраны десятки тысяч ответов читателей на посланные им анкеты. Н. А. Рубакиным создан ряд культурно-просветительных учреждений (две крупнейшие библиотеки, Подвижной музей наглядных пособий и Институт библиопсихологии, директором которого он был до конца своей жизни). Эти сухие цифры отражают непрерывный, напряженный творческий труд. Работа, всегда работа. Николай Александрович никогда не знал отдыха. «Ведь у меня с 1909 г. не было ни вакаций, ни праздников, ни воскресений», — писал он А. Демидову.

В годы второй мировой войны Николай Александрович Рубакин оказывал большую моральную поддержку советским военнопленным, находившимся в Швейцарии. Эти люди жили в очень тяжелых условиях. Не имея возможности помочь им материально, Н. А. Рубакин, желая поднять в них бодрость духа, стал помогать им тем богатством, каким он сам располагал, — книгами. Тысячи книг — научных и художественных произведений — направлялись им в лагеря для советских военнопленных. Он писал им письма, давал советы, посильно помогал. В Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина имеется портрет Н. А. Рубакина, нарисованный по его

фотографии одним из военнопленных, с надписью: «Почетному другу советской молодежи» — и на полях десятки подписей.

Так «среди книг» и «среди людей» прошла светлая и красивая жизнь Н. А. Рубакина, человека щедрого сердца, пламенного пропагандиста книги, отдавшего все свои силы, знания и колоссальный труд делу народного просвещения.

«Когда-нибудь разумные люди сумеют оценить Вашу настойчивую, огромную работу истинного демократа. Много сделано Вами для одухотворения массы народной, — я знаю это, и очень хорошо», — писал М. Горький Н. А. Рубакину 18 октября 1922 года.

Это беззаветное служение человеку, своему народу вызывает к Николаю Александровичу Рубакину глубокое уважение потомков.

Т. Крук

ЧТО ТАКОЕ ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Можно безошибочно сказать, что в настоящее время стремление к образованию проявляется в массах до такой степени напряженно, как не проявлялось еще ни в какие времена, и с каждым годом напряжение это возрастает. Сама жизнь побуждает каждого человека вооружать себя знанием и пониманием.

Чтобы жить, нужно… иметь образование специальное, но еще нужно иметь образование общее, нужно уметь разобраться во всем, что совершается вокруг, а для этого нужно, если можно так выразиться, уменье мыслить и понимать, нужна известная широта кругозора, известная высота развития. Специальное образование сообщает человеку некоторый более или менее ограниченный круг знаний и некоторую совокупность навыков. Общее образование дает человеку широкое и цельное мировоззрение, оно дает ему понимание различных сторон мировой жизни, от бесконечно малых атомов до бесконечно необъятных небесных пространств, от микроскопических клеточек, из которых составлены организмы, до народов и племен, составляющих человечество. Как мир един, так и общее образование едино. Правда, для удобства изучения и усвоения один и тот же предмет, одно и то же явление изучается разными науками с разных сторон, но только совокупность наук дает возможность понять весь факт, все явление. Как ни чужды, по-видимому, одна другой физиология и история, но только знание и понимание той и другой дают возможность понять человека, который представляет из себя не только организм, но и сознательного исторического деятеля и которого, кроме того, изучают и химики, и физики, и психологи, и экономисты и т. д. Очевидно, без общего образования человек не может достигнуть должного понимания какого бы то ни было явления, а значит — он не может быть и хорошим специалистом. Специалист-химик должен знать и физику, и математику, и историю этих наук, и физиологию, наконец должен иметь способность к обобщениям, если он не желает только оставаться в области одних фактов. Стремление проникнуть в глубину своей специальности выводит человека за пределы ее. Таким образом, чтобы быть хорошим специалистом, нужно иметь общее образование; но чтобы жить — нужно быть специалистом…

Между тем специальное образование должно не заглушать, а дополнять общее. Одно для другого необходимо; одно без другого

немыслимо…

Интерес к общим вопросам государственной жизни, к явлениям жизни общественной, к успехам мысли в области науки, философии, политики и т. д. постепенно и непрерывно возрастает в массах. В них не только увеличивается стремление к образованию, — в них быстро пробудилось стремление к высшему образованию… Вот это-то пробуждение стремлений к высшему образованию в массах и составляет одно из самых характерных явлений нашего века.

В настоящее время масса удовлетворяет свою потребность в высшем образовании различными путями и средствами. Все эти средства можно назвать средствами образования внешкольного, которое продолжается всю жизнь.

Только при крайне неблагоприятных условиях общественной жизни образование прекращается для большинства людей тотчас по окончании курса школы. Там, где общественная жизнь идет вяло и медленно, там, весьма возможно, серенькая, однообразная действительность постепенно втягивает и засасывает человека как болото, и человек начинает рассуждать, что он «проживет и так». К счастью, это бывает не всегда и не везде, и, раз начавшись в школе, образование продолжается затем и вне школы.

Область образования внешкольного гораздо шире, чем область образования школьного. Существуют не только разные пособия, помогающие человеку приобретать образование помимо школы, но и целые учреждения, служащие именно этой цели. Таковы, например, библиотеки и читальни, музеи, публичные лекции, курсы, вечерние и воскресные школы, где занятия идут по нескольку часов в неделю, и пр. и пр. Внешкольное образование не ограничено никакой программой и по существу своему разносторонне, как разностороння самая жизнь. Внешкольное образование не есть отрицание образования школьного, а лишь необходимое дополнение и расширение его.

Цель и задача самообразования, если ее выразить в общих словах, заключается вот в чем: сделать из себя и надеясь только или главным образом на себя, и своими средствами, человека действительно образованного. Но за этим вопросом неизбежно встает другой — следующий, а вместе с ним — третий, неразрывно с ним связанный:

Во-первых, что такое образованный человек и, во-вторых, ради чего делать из себя такового?

На эти вопросы прежде всего и надо ответить самому себе. От ответов на них зависит и план, и размеры, и напряженность и, вообще, характер всей самообразовательной работы.

Действительно образованный человек — не тот, кто считает

себя «образованным», не тот, кто окончил какое-либо, хотя бы даже высшее, учебное заведение, — мало ли неучей, узких специалистов или ловких карьеристов из них выходит! Не тот, кто перечитал на своем веку много, даже очень много, хотя бы самых хороших книг. Не тот, кто накопил в себе некоторый запас, хотя бы и очень большой, разных знаний. Вовсе не в этом самая суть образования.

Самая его суть — в том влиянии, которое оно может и должно производить на окружающую жизнь, — в той силе, которую дает образование человеку для переделки окружающей жизни, во внесении в нее чего-то нового, своего в ту или иную область, в тот или иной ее уголок. Будь это образование общее или будь это образование специальное, — все равно, его критерий — переделка жизни, перемены, в ней производимые, при его помощи.

Понимать окружающую жизнь — вот первая задача образованного человека. Служение окружающей жизни, характер этого служения — вот пробный камень для оценки его. Кто бы вы ни были, читатель, молодой или старый, русский или инородец, мужчина или женщина, — не забывайте общественного значения вашего образования и тем более самообразования. Не в профессии и занятии самая суть человека, а в самом человеке, в его отношении к этому своему делу.

Каждый из нас, если он желает быть действительно образованным, должен выработать в себе способность принимать сознательное участие в общей и местной жизни народа; но кто именно и какое именно участие сможет принять в ней, — это другой вопрос, который каждый человек может решить для самого себя особым образом.

Человек, обладающий прекрасным логическим мышлением, тем не менее остается неучем, если его ум, разбираясь в отвлеченных формулах и умозаключениях, не умеет разбираться в явлениях жизни. Даже отвлеченный мыслитель должен выработать в себе уменье видеть реальные факты, оценивать их, уменье всегда держаться возможно ближе к почве, а не только парить в облаках отвлеченной мысли.

Самая суть работы над своим образованием заключается вовсе не в том, чтобы прочитать и изучить столько-то тысяч страниц, а в том, как их прочитать и изучить; т. е. — обдумать, передумать так, чтобы изученное вошло и в плоть и в кровь. И к тому же прочно, основательно. Задача и цель в том, чтобы усвоить самую суть образования, а не в том, чтобы щеголять учеными словами да плохо понятыми знаниями и мыслями. Образованным и интеллигентным человеком можно назвать лишь

такого, кто насквозь таков и проявляет свою образованность и интеллигентность и в крупном, и в мелочах, в обыденщине и в течение всей своей жизни. И кто даже не может поступать и проявлять себя иначе. Надо не только сделаться образованным и интеллигентным, надо еще привыкнуть к своей образованности и интеллигентности. И это особенно важно. Ведь привычка — вторая природа.

Вряд ли вы, приступая к работе над самообразованием, не знали, что область науки бесконечна и что пределы человеческого знания очень обширны. Но ведь обширно также и невежество человеческое, историческая тьма, держащая, в той или иной степени, каждого из нас в своих лапах. Ведь тьма тоже имеет свои оттенки, от бесконечно густой и давящей до сумеречной. И одно дело блуждать в ночном мраке» расставив руки и не зная куда идти и даже куда ступить, и совсем другое дело — даже полутьма сумерек, когда уже кое-что видно, по крайней мере, видна та дорога, на которую следует вступить и затем шагать и шагать вперед, сколько лишь сил хватит. Стремящиеся к свету уже сами решат, далеко ли они сумеют продвинуться по направлению к его источнику, — это уже вопрос личных сил, энергии и упорства в преследовании своих целей. Но первое, что необходимо сделать, — это начать идти и затем идти не переставая.

Жить — это значит бороться, и не только за жизнь, а и за полноту и улучшение жизни. Поэтому для нас «человек» — это значит борющийся человек, такой, кто чувствует, что живет именно тогда, когда борется, кто житейской борьбы не боится, кто даже радуется ей, потому что где она, там и напряженность жизни, и там-то человек и чувствует ее трепетание. Но ведь, чтобы жить, расширять свою жизнь и бороться, нужна сила, необходимо накопление разных сил — силы знания, силы мысли, воли, любви к людям, нужно уменье осваиваться в любой обстановке, не теряться ни в каком затруднительном положении, не отступать ни перед каким препятствием. Поэтому будем считать настоящим образованием такое, которое помогает именно этому и прежде всего этому.

В тысячу раз выше надо поставить людей, умеющих плодотворно действовать хотя бы без дипломов, чем людей бездейственных, но с дипломами.

Но и одного уменья действовать еще мало. Нужно знать, что творить, для чего и для кого творить, нужно понимать и цель и смысл и своей и чужой деятельности.

А отсюда такие задачи, стоящие перед каждым человеком, который путем самодеятельности стремится стать образованным:

1) присматриваться к окружающей жизни и вдумываться в

нее;

2) ее изучать, знать и понимать;

3) уметь в ней действовать;

4) для этого же иметь подготовку:

а) общую, т. е. широкий кругозор;

б) специальную, т. е. профессиональную.

Наметив общую цель образования, будем говорить теперь, как ее достигать и достигнуть.

Первое и главное правило: **надо начинать самообразовательную работу не с книги, а с жизни.**

Жизнь всегда учит гораздо большему, чем лучшая из лучших книг. Книга — только орудие и пособие. Не жизнь нужно проверять книгами, т. е. теориями, а как раз обратно. Начинать нужно с вдумчивости в жизнь и, разумеется, с того, что такого-то человека, живущего в таком-то месте земли, в такой-то обстановке его личной, обыденной жизни, сильнее всего мучит, волнует, интересует. Когда уже загорелся в душе, под влиянием жизни, этот огонек исканий, тогда за ответом на эти искания можно идти и к книгам, которые в этом случае, наверно, окажутся интересными. Но и в этом случае нужно идти к книгам не для того, чтобы их советы принимать на веру, а лишь для того, чтобы почерпнуть из них материал для собственных размышлений.

Второе правило: **всякое явление жизни надо обсуждать непременно и постоянно не с одной какой-либо стороны, а со многих,** — с возможно большего числа сторон.

Теория тем и отличается от практики, что она, в сущности, более одностороння, чем практика, которая, приводя человека в непосредственное столкновение с жизнью, уже подразумевает необходимость считаться со всеми сторонами ее. Все эти стороны существуют в жизни нераздельно, — разделяет же их лишь человеческий ум для удобства изучения и притом совершенно искусственно. Поэтому практика — лучший способ проверки всяких знаний. Не действуя, не приходя в непосредственное столкновение с жизнью, вряд ли можно оценить как следует какую-нибудь теорию. Применение — это и значит проверка. Без такой проверки нет истины. Без применения все — и истины и теории — одни слова и слова.

Но поставьте перед собою вопрос: что же значит «разностороннее понимание»? Вот тут-то и доходишь до одного из очень важных отличий (быть может, самого важного) человека действительно образованного от человека «натасканного» в тех или иных предметах, от специалиста-неуча, умеющего мерить чуть ли не всю Вселенную на один свой аршин, разумеется, не для всех случаев пригодный. Смешон тот химик, который с

химической точки зрения судит о всех прочих сторонах жизни, в том числе, например, о нравственной. Смешон и юрист, который только и знает, что закон, кем-то, но как-то написанный. И закон, и химия — мерки для своего дела очень полезные, и для жизни все они нужны, но нельзя же такими частными мерками измерять все стороны жизни. Жизнь бесконечно разностороння и сложна, и, чтобы понимать ее, нужно быть самому прежде всего разносторонним человеком и уже потом химиком, юристом… Отсюда вывод: вдумываясь в жизнь, надо прежде всего позаботиться о том, чтобы не впасть в односторонность, а для этого необходимо заблаговременно получить хоть некоторое понятие, да какие же стороны существуют у жизни. Хоть главнейшие, самые крупные необходимо узнать, хоть в самых общих чертах, для первого шага. Вот в этом узнавании и могут помочь каждому из нас хорошие книги, поскольку они содержат в себе опыт других людей…

Самообразование заключается не только в воспитании и развитии своего ума, но и в воспитании и развитии чувств. Можно и должно не только глубоко и тонко мыслить, но и глубоко и тонко чувствовать. Даже читая математическую книгу; человек переживает целый ряд эмоций, например, иной читатель наслаждается, радуется, увлекается цифрами и формулами, другой над той же книгой дьявольски зевает, кряхтит, сердится, трет лоб и т. д. Нет такой книги, которая ни в ком не возбуждала бы никакого чувства. Люди большого сердца — Белинский, Глеб Успенский, Лев Толстой и многие другие — читали, чувствуя и ощущая даже самые, по-видимому, сухие книги. Успенский в одной из своих статей писал, что ведь и цифры в статистических сборниках, в сущности, живые… Самообразовательная работа должна научить человека переживать жизнь всеми сторонами души, не только умом, — быть чутким и отзывчивым к окружающей жизни.

Первая задача действительно образованного человека — не быть узким, выработать в себе разностороннее знание и понимание жизни и умение оценивать чужие мнения о жизни, имея свои собственные, фактически обоснованные.

Горе тем, кто, прочитав одну-две книжки, решает, что он понял и постиг самую суть дела, а значит, и довольно. К верхоглядам нужно отнести и тех читателей, которые сводят все дело самообразования на чтение книг и на усвоение их содержания, не сопоставляя его с жизнью. Лучшие из таких читателей не только читают, но и изучают, делают конспекты, выписки и т. п. Мы лично, разумеется, не противники всего этого. Но все-таки мы утверждаем, что глубоко заблуждается тот, кто

сводит все дело самообразования к чтению. Можно быть начитанным, но вместе с тем непонимающим человеком…

У любого факта жизни всегда много разных сторон. Надо присматриваться, по возможности, ко всем или, по крайней мере, ко многим сторонам факта. Всякий специалист, как известно, подходит к факту со своей излюбленной или ему лучше всего известной стороны, вроде того, как парикмахер смотрит на человека с точки зрения его шевелюры. Для человека действительно образованного совершенно недостаточно такого отношения. Обострение его внимания должно сказаться в уменье видеть разные стороны любого факта и в жизни личной, и общественной, и космической, чтобы в конечном итоге получилось нечто цельное.

Образованный человек видит разные стороны там, где человек темный не видит их, а видит лишь какую-нибудь одну и по ней судит о всех прочих… Присматриваться к жизни — это значит освободиться от привычки к одностороннему вниманию, это значит выработать в себе уменье видеть многое и разнородное в том, что кажется с первого взгляда однородным…

Необходимо отделить «науку» от «ненауки». Вводить в классификацию наук то, что не наука, — это значит сбивать с толку и себя и других. Между тем миллионы людей и чуть не на каждом шагу считают наукой то, что вовсе не наука. Так, например, говорят о религии, богословии, теологии. Прежде всего необходимо понять, что религия — вовсе не наука. Религия — это вера. Наука — это знание. Человек может веровать во что угодно, и для этого ему вовсе не требуется убеждаться, что вера его правильна. Верующий рассуждает так: «верю», — ив этом весь разговор. «Верю в то, в чем и убеждать меня не нужно, потому что я внутренне убежден и никаких доказательств тому и не требую. Есть они — тем лучше, нет их — обойдусь и без них». Но не так рассуждает наука. Она на это говорит: «Внутреннее убеждение — это еще вовсе не доказательство… Внутреннее убеждение без знания — не более как источник заблуждения. Один раз оно не обманет, а 999 раз обманет. Если же ты хочешь истины и стремишься к ней, — опирайся не на него, а на изучение того, что есть». Наука требует доказательств. Наука ищет их. А ищет потому, что сомневается. Вера же только до тех пор и вера, пока нет сомнений… И такая вера никому и ничего, кроме самоутешения не дала. А разум ищет не самоутешения только, а самоутверждения. Он хочет стоять твердо, и не только на своих собственных ногах, но и имея опору в природе, то есть вне его… Один арабский ученый уже около тысячи лет тому назад сказал: никакому чудотворцу не поверю, и если он мне скажет: «Верь, что

три больше семи, в доказательство сего я превращу вот эту палку в змея», — пусть он даже и вправду обратит ее, — но что из этого? Я подивлюсь его искусству и скажу: три все же меньше семи.

…Таким образом, стремясь отделить, разграничить науку от ненауки, прежде всего необходимо изгнать из нее сверхъестественное и даже самое понятие о нем, как о таковом, и на все сверхъестественное взглянуть тоже как на факты, подлежащие исследованию возможно точному, и на мнения, подлежащие самой разносторонней критике и проверке. Все то, что основано на признании сверхъестественного, — вовсе не наука… Каждая наука — своего рода фонарь, бросающий и свой свет вокруг себя. Но если вы, читатель, желаете понять какое-либо явление или область жизни, и тем более вообще жизнь, разумеется, вы должны взять побольше разных фонарей, да и осветить с их помощью это самое явление, этот факт с разных сторон, обставив его вашими фонарями-науками тоже со всех сторон, а свет этих фонарей направляя в одну точку. Ведь ваше-то главное дело — понять эту самую точку, т. е. исследуемый факт, а не в том, чтобы восхищаться светом того или иного фонаря и купаться в лучах его. Фонарь и свет — это лишь орудия вашей работы, — только и всего. Белый свет, самый яркий, получается ведь из сложения всех цветов радуги. Поэтому странно иной раз слышать такие речи от работников, стремящихся к изучению науки: «Буду изучать такую-то науку — в ней вся суть дела».

Особенно часто приходится слышать это о политической экономии… И вот читатель принимается за руководства по политической экономии, сидит, читает и с первой же страницы находит, что многое-то в Книге ему и вовсе непонятно; то промелькнет что-нибудь из области истории, то из физики, то из химии, то из философии. Вот об этих мельканиях, этих брызгах своего собственного неведения и нужно подумать. Такие-то мелькания и показывают наглядно, что одна какая-нибудь наука, например политическая экономия, требует и других, даже совсем других знаний и наук, потому что знание и наука — едины. Чтобы понимать жизнь, волей-неволей нужно знакомиться с совокупностью, с кругом наук.

Что же именно следует изучать для того, чтобы сделать ив себя действительно образованного и интеллигентного человека?

Не следует изучать какую-либо одну науку, обходя все другие, потому что ни одну науку нельзя изучать помимо ее связи с другими. Какая область жизни кому ближе, ту и надо изучить наиболее подробно (специально). Но одно дело знания специальные, и совсем другое дело — знания общие[9]. Каждому

человеку необходимы и те и другие — непременно и те и другие. Общие знания о всем мире и всей жизни — это основа для знаний специальных. Знания специальные — это лучшая проверка знаний общих. Специальные знания углубляют, но зато и суживают кругозор. Общие знания расширяют и освещают его…

Наук, как известно, очень много, и с течением времени становится все больше и больше. Правда, все они, в своей совокупности, говорят об одной и той же, все о той же Вселенной и о ее жизни. Необходимо так соединить в своем уме все, что добыто отдельными науками, чтобы о раздельности разных сторон одной и той же Вселенной и помину не было, потому что эта раздельность на самом-то деле не существует, — она выдумка человеческого ума.

Вы сами, читатель, можете служить для себя Примером. Вы — личность, вы — единое целое. И тем не менее в себе самом вы отличаете великое множество сторон. На вашем примере вы лучше всего можете уяснить себе отношение науки к жизни, отношение отдельных сторон и их частичного изучения к их целому. И правда, вас изучают с самых различных сторон десятки, если не сотни, отдельных наук, а вы, тем не менее, по-прежнему представляете из себя нераздельное целое.

Так, например, вы — гражданин, член общества, государства. Какие у вас права? Нужен целый ряд юридических наук, чтобы осветить только одну эту сторону вашей жизни и вашей личности, как и других, таких же людей. Но как же оторвать эту вашу сторону от материальной стороны вашей жизни? Ваша материальная жизнь, как и всякого другого человека, тоже изучается целым рядом наук экономических. Богаты вы или бедны? Каков ваш доход? Большой или малый? Почему же он такой, а не иной? Причиной этому вы сами, или общие условия жизни, общественное устройство вообще, или особенности того общественного класса, к которому вы принадлежите, той профессии, которая кормит вас?

Все это вопросы, касающиеся вас лично, и целый ряд наук изучает экономическую сторону вашей жизни, распутывает как житейские мелочи, так и сложнейшие факты экономической жизни. Юридическая сторона вашей жизни, в сущности, неотделима, тесно связана с экономической. Другими словами, на бумаге, в книге науки раздельны, а в жизни — слиты. Желаете вы знать самого себя, и свою жизнь, и среду, в которой вы ее проводите? Ставьте в таком случае не ту цель, которую обыкновенно ставят и которая состоит в изучении такого-то количества таких-то отдельных наук. Поэтому дело самообразования нужно вести так: выясните пред собою, хотя бы

в самых общих чертах, вопросы или области жизни, особенно нужные, важные, интересные, жгучие для данного читателя и затем изучайте всякий вопрос, освещая данными всех главнейших или вообще многих наук. Только таким способом можно действительно ориентироваться в той или иной области, «осмотреть ее во всех смыслах» и понять ее возможно ближе к тому, что она из себя действительно представляет.

Вряд ли нужно доказывать, что знакомство с беллетристикой столь же необходимо для человека, работающего над самообразованием, как и знакомство с науками. Для огромного большинства читателей именно с этой области легче всего начинать расширение своего кругозора и выработку своего Я (т. е. своей личности. — Сост.).

То же самое нельзя не сказать и о других, так называемых изящных искусствах. Искусство — необходимый элемент самообразования, незаменимый никаким другим. Было время, когда изящным искусствам не придавали никакого значения или сводили его почти к нулю, а «эстетику» и «эстетиков» осмеивали. Это время прошло, и искусство заняло подобающее место в схеме общего образования.

Внутренний мир человека бесконечно сложен и многообразен. Жить полною, разностороннею жизнью — это значит жить так, чтобы звучали по возможности все струны души и все стороны человеческой психики, все силы человека имели бы случай упражняться, проявляться и расцветать. Выбрасывать искусство из своей жизни и даже отодвигать его на задний план — это то же, что совершать своего рода преступление над самим собою.

Нет такого человека, на которого никакое художественное произведение (литературное, музыкальное или скульптурное и т. д.) не производило бы никакого впечатления, б каждом сердце есть уголок, на который сильнее всего Действует именно эстетика, красота, воплощенная в той или иной форме. Но если бы она даже на того или иного читателя еще и не действовала, она должна действовать. Этого нужно добиться, надо развивать в себе ее понимание, ее ощущение для того, чтобы при ее посредстве еще больше расширять, углублять, возвышать, делать напряженнее свою жизнь. Правда, влияние различных искусств, или, что то же, различных художественных произведений, на разных людей далеко не одинаково. На одних сильнейшее впечатление производит поэзия, на других живопись, на третьих архитектура, но особенности каждого человека говорят лишь о выборе искусств, а не об исключении их. Поэтому отдел этих искусств, в который входят, кроме изящной литературы, музыка,

живопись, скульптура, архитектура, драматическое искусство, должен в общей схеме образования занять свое место рядом с беллетристикой.

Далее, очень важно, стремясь сделаться образованным, интеллигентным человеком, возможно глубже размышлять о человеческом поведении, иначе говоря, об отношении человека к человеку. Необходимо побольше думать о самых основах и правилах своего и чужого поведения, о привычках, интересах и вообще о всем том, что влияет на человеческое поведение, и о том, что считать добром и что злом, и почему так считать. Наконец, надо побольше думать о происхождении этих основ и правил и их развитии в течение тысячелетий. То, что думали и думают люди разных времен и стран о добре и зле, о цели и смысле жизни, о справедливости и несправедливости и т. д. Потому что без этого и твоей собственной образованности будет грош цена, а то и того меньше.

Каким принципам я Должен повиноваться? И что значит я «должен». Каких правил, принципов держаться в моем поведении, внешнем и даже внутреннем? Чем осмысливать и украшать свою жизнь, так, чтобы не рыдать от горя, когда она, неожиданно для меня, пройдет, окончившись бессмысленно и нелепо? В чем ценность моей жизни? В чем ее смысл? В чем ее цель? Какой идеал я должен поставить перед собою в виде этой цели и стремиться к нему и в моих личных переживаниях, и во вне — в жизни семейной, общественной и т. д.?

Все это вопросы глубочайшей важности, и теоретической и практической, для каждого человека. Их каждый из нас должен так или иначе разрешить… Хочет человек или не хочет, а без нравственной мерки, которую может выработать лишь он сам, его совесть, он в жизни обойтись не может. Надо ее выработать, эту мерку, возможно отчетливую, определенную, и чем скорее, тем лучше.

Из всего предыдущего следует, что беллетристика и другие изящные искусства, а также и этика[10] не только должны входить в общую систему самообразования, но и лежать в основе его.

К этому отделу еще примыкают, как необходимые составные его части, отделы художественной критики и публицистики, знакомство с которыми не менее необходимо в целях самообразования, чем с предыдущими.

Всякое художественное произведение, более или менее выдающееся, всегда вызывало и вызывает целую литературу оценок и толкований — критических статей, комментариев со всевозможных точек зрения.

Публицистика — это оценка текущей общественной жизни,

той самой «злобы дня», которую мы не только переживаем — в каждый момент истории свою особую, — но и которая вообще очень близко нас касается.

Художественный критик оценивает произведение и его автора. Публицист дает свою оценку самой жизни. И тот и другой как бы открывают нам двери из узкой конуры личной жизни на арену жизни общественной. Перед нами встает задача выработать нравственный идеал не только жизни личной, но и идеал социальный. Публицистика учит нас оценивать текущую жизнь с точки зрения этого идеала, углублять, расширять наше понимание и наше участие в злободневной борьбе. У нас в России — как это известно из примеров Белинского, Добролюбова, Писарева… — все наиболее выдающиеся русские критики были вместе с тем и публицистами.

Отсюда следует глубокой важности правило: в круг самообразования должна войти периодическая печать — газеты и журналы, которые давали бы читателю возможность следить за общим ходом текущей жизни, русской и иностранной, и за борьбой интересов и мнений, в ней развертывающейся…

Работая над самообразованием, нужно иметь в виду не приспособление к жизни, а возвышение этой последней посредством возвышения себя над нею.

Образованный человек — это человек, имеющий свое собственное миросозерцание, свои мнения о всех сторонах и областях окружающей его жизни. Сама жизнь требует от каждого из нас общего миросозерцания, а значит, и общего образования, лежащего в основе первого. Никто из нас не может, по самой сути дела, рассуждать так: или узнать все, или ничего. Нет, вместо этого нужно рассуждать несколько иначе: каждый добивайся возможно большего, но не забывай и о возможном и достижимом — достижимом для такого-то человека, живущего в таких-то условиях, обладающего такими-то способностями. Мы здесь говорим о достижимом минимуме образования, предоставляя максимум его решению каждого. Ведь существуют же типы школ низшей, средней и высшей, и одни и те же предметы преподаются во всех них в различных размерах. Самообразование тоже приходится вести в различных размерах, смотря по личности самоучащегося, его силам, способностям и времени, какими он располагает. Мы не смешиваем образования общего, цель которого — выработка общего миросозерцания, с образованием специальным, цель которого — чисто практическая.

Одно дело понимание некоторых областей жизни, и совсем другое дело — общее миросозерцание, в состав которого входит понимание всех основных явлений и задач жизни. Вряд ли нужно

доказывать, что это общее миросозерцание и миропонимание представляет из себя итог, конечный результат всей работы над самообразованием, ее цель, ее резюме, конечный вывод. Правда, есть люди, которые, приступая к самообразованию, стараются найти такую книгу, которая бы дала им «самую суть», чтобы поскорее прочесть ее и усвоить из нее «все, что нужно». Такой книжки нет на свете, и даже быть не может.

Только тогда, когда миросозерцание человека станет его «второй натурой», войдет в привычку, — только тогда имеет право сказать про себя этот человек: «Да, я действительно имею миросозерцание, и оно действительно мое».

Выработать свое миросозерцание — это значит так прочно построить его, чтобы, несмотря ни на какие возражения и даже страдания в течение всей жизни, оно и не разрушалось и не переделывалось, а только бы пополнялось, совершенствовалось и чтобы…крепость ума и духа говорили сами за себя.

Общее миросозерцание — цель самообразования. В понятие миросозерцания входят не только знания, не только понимание, но и настроение, т. е. направление симпатий и антипатий, идеалы этические и социальные, а также уменье осуществлять их[11]**.**

Работая над выработкой своего миросозерцания, нельзя не принимать в расчет не только самого себя, свои собственные особенности, — нужно еще учитывать и особенности своей среды, а значит, и того исторического момента, когда живешь. Перестать бояться чужих мнений, несогласных со своими, — это одна из первых привычек, которую должен выработать в себе человек.

Особенное значение имеет изучение не только фактов вообще, но фактов спорных, переходных, которые можно толковать и так и иначе. Казалось бы, на изучение и понимание этих-то переходных фактов и должно бы быть направлено особенно серьезное внимание. Но это не так: обыкновенно изучаются, как иллюстрации к определенным тезисам, факты наиболее характерные, а не переходные. Последние же, по большей части, забываются, оставляются в пренебрежении. А забывая их и опираясь на первые, мысль приучается к догматизму[12], теряет значительную часть своего критического характера.

В природе и в обществе переходные формы очень распространены и ориентироваться в явлениях жизни — сложной, многообразной, с бесчисленным множеством неотделимых одна от другой сторон — куда труднее, чем ориентироваться в терминах, определениях, в содержании понятий. Догматизм — одно из ярких проявлений недоученности.

Только нося в душе своей единое и целостное, и прочное, и глубокое миропонимание, не растеряешься ни при каких обстоятельствах, а поймешь и оценишь их. Значит, не с философии надо начинать свою работу, как бы она ни интересовала. Философию надо изучать после всего остального. Дело не в том, чтобы философствовать, а в том, чтобы возможно правильнее. научнее философствовать. А это возможно лишь тогда, когда опираешься на основательное изучение всех вышеуказанных областей. Иначе сделаешь из себя верхогляда.

Личность человека — единое, нераздельное целое. Дело самообразования не есть только дело интеллекта (разума). Это дело всей личности целиком, со всеми ее переживаниями, думами, напастями, страданиями, горем, радостью и т. д. Это дело всей жизни.

По нашему мнению, именно с некоторого выяснения своей читательской индивидуальности и полезно начинать самообразовательную работу. Сюда относится и определение цели, к которой данный читатель стремится и о которой он должен подумать хоть немножко и хоть в самых общих чертах, принимаясь за свое самообразование. Чего, собственно, я хочу? К чему стремлюсь? Выработать ли общее миросозерцание, не считаясь ни с какими школьными программами? Или подготовиться к какому-нибудь экзамену? Или изучить какую-нибудь отдельную науку, или какой-нибудь вопрос, или область жизни? и т. д. В зависимости от цели находится многое и в распланировке самообразовательной работы. Но какою бы частной ни была цель, которую поставит себе тот или иной читатель, все равно для осуществления всех частных целей общая выработка личности необходима, а потому мы главным образом и будем говорить именно о такой выработке, т. е. прежде всего о расширении кругозора.

САМООБРАЗОВАНИЕ И ЛИЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧИТАТЕЛЯ

Всякий желающий, кто бы он ни был, где бы он ни жил, какими бы способностями ни обладал, может сделать из себя, своими собственными усилиями и разумно организованным трудом, действительно образованного, сведущего и понимающего человека — общественно полезного работника.

Самому добиваться образования — это и значит заниматься самообразованием. Этим делом надо заниматься всякому человеку, без всякого исключения. Будь он в школе или вне школы. Будь он старым или молодым, мужчиной или женщиной. Всякое настоящее образование добывается только путем самообразования.

Все люди — самоучки, если не в одном, так в другом. Всякий человек наверное самоучка хоть в чем-нибудь: иной учится на доктора, а из него выходит законовед, а законоведению пришлось ему обучаться самоучкой. Иной учится на инженера, а из него выходит финансист. Иной учился слесарному делу, а из него вышел писатель. Вот и выходит, что каждый человек — наверное самоучка хоть в чем-нибудь, да иначе и быть не может. Ведь всякий человек дополняет и дополняет свои школьные знания весь свой век. Иные школьные знания не пригодились ему и поэтому отбрасываются им в сторону, а другие знания, нужные для жизни, всякий из нас копит сам своими средствами — как может и умеет. А все, что делаешь и чего добиваешься самолично, по своей воле и желанию, — это залезает в голову всего крепче…

Работа над самообразованием не так трудна, как это кажется. Да она и приятна. Кто бы вы ни были, она не представляет и для вас, какую бы вы подготовку ни имели и какие бы условия жизни вас ни окружали, никаких действительно непреодолимых трудностей. Еще 500 лет тому назад сказано: с распространением знаний и идей не в силах справиться ни огонь, ни меч, ни голод, ни подлость.

Никогда не прекращайте вашей самообразовательной работы и не забывайте, что, сколько бы вы ни учились, сколько бы вы ни знали, знанию и образованию нет ни границ, ни пределов. Как бы ни были обширны у вас знания, их нужно делать еще обширнее. Как бы они ни были глубоки, — они могут стать еще глубже.

Читатель, работающий над самообразованием, имеет право сказать: вперед и вверх дорога для всех открыта, и, идя по этой

дороге, никто не останется без помощи и поддержки, без советов и указаний, на какой бы ступени умственного развития он ни стоял. Пусть каждый взбирается на ту высоту знания, понимания, настроения и активного отношения к жизни, какую он сам сделает для себя доступной путем борьбы и самодеятельности. Дело теперь за самим читателем.

Мы верим в человека, в современного культурного человека, который потому самому может сделаться еще культурнее, что вокруг него уже существуют, уже созданы и постоянно создаются коллективным трудом человечества бесконечно многочисленные средства для саморазвития и вырабатываются бесконечно разнообразные методы, способы, приемы, ведущие к той же цели. Не верить в такую возможность подняться все выше и выше — это то же, что отрицать всю современную культуру.

Но и не в вере самая суть дела. Всякую веру можно считать только тогда разумной и вообще справедливой и правильной, когда она подтверждается фактами. Наша вера в полную возможность для всякого желающего сделаться образованным человеком тоже основана на фактах. Перед нами прошли тысячи людей, не только стремившихся к свету, но и требовавших его от жизни, — требовавших властно и настойчиво и в конце концов действительно получивших его. Нет, даже не только «получивших», а взявших, именно взявших его с бою. Действительно наше только то, что взято нами с бою, — и этого уже не так легко отнять у нас. Мы видели крестьян, сделавшихся писателями, учеными, виднейшими общественными деятелями, народными представителями, фабрично-заводских рабочих, замечательных борцов и организаторов. Мы видели поэтов, складывавших свои бодрые и смелые песни около машин и станков, философов, записывавших свои заветные думы на портняжном станке или на сапожном табурете.

И, вспоминая все эти наши встречи и знакомства — очные и заочные, мы, на основании многочисленных фактов, считаем себя вправе сказать с уверенностью и определенностью: всякий человек, кто бы он ни был, в конце концов, правда иной раз хотя и не без усиленной борьбы, а все-таки может встать на свою дорогу. Но ведь у кого в душе уже теплится, — не скажем даже «горит», — этот огонек стремления к свету и на простор, — тот уже не серенький и не средний, тот выше среднего. Такому остается только раздувать свое собственное пламя и превратить его в источник света для себя и для других.

Одно из крайне интересных и важных наблюдений, которые можно сделать чуть не на каждом шагу, заключается в следующем: ищущие не только ищут, но нередко и опускают

быстро руки, сопровождая это опускание рук избитыми и изъезженными афоризмами: «ничего не поделаешь», или «наше время прошло», или еще «сила солому ломит» и т. п. Но почему же опускаются руки, и к тому же очень быстро? Очевидно, искатели не умеют осуществлять своих стремлений и, пускаясь в работу над самим собою, сначала «с места в карьер», скоро натыкаются на те или иные препятствия, главным образом на внутренние, от них самих, от их личности зависящие, — эти последние оказываются страшнее внешних. На эту сторону дела необходимо обратить особое внимание, чтобы выяснить первый, в сущности самый трудный шаг в деле самообразования.

Вопрос о воле и борьбе в смысле расширения внешних возможностей работы над самообразованием сама жизнь уже разрешила на практике миллионами способов. Правда, препятствий к самообразовательной работе всегда и везде много. Но почему же миллионы людей все-таки с ними справляются? И уже справились. И никакие, даже самые страшные, темные силы не могли остановить того, чего требовала жизнь… И прежде всего успевает тот, кто не унывает.

Каждому из нас совершенно необходимо научиться сильно хотеть. От хотения рождаются силы. Если кто добивается знаний еще слабо — это показывает: он их еще не очень-то сильно хочет.

Необходимо верить в свои силы, в свое дело и в его правоту. Преуспевают именно те, кто в себя верит и кто рассуждает примерно так:

> «Все люди — люди, а я тоже человек. Смогли другие — смогу и я. Если имеются силы на это у других людей — почему бы и мне не поискать их у меня самого? Ведь иной раз бывает и так: силы-то имеются, но где-то внутри припрятываются и лежат там неподвижно и не дают себя знать. Но придет время, появится порыв в душе да придут подходящие благоприятные обстоятельства, — вот и проснутся скрытые силы. Ведь проявились же они у многих и многих людей и иногда даже на старости лет. Загляну-ка и я внутрь самого себя — авось и я найду там свою силу, собственную. Стану-ка я искать в себе самом и способностей каких-нибудь и к чему-нибудь. Давно сказано: ищи — и найдешь».

Но как узнать, до каких же пределов каждый человек может развертывать свои силы?

Это лучше всего выясняется на ходу самой работы: за нее необходимо взяться, иначе говоря, испробовать свои силы на деле. Не следует бояться даже такой работы, какая иной раз

кажется и непосильной. Без пробы никто даже и не смеет сказать о себе: «Это выше моих сил». Попробуй, и лишь затем говори. Не следует без пробы думать: «Я не способен». Всякие способности, в том числе и умственные, дело до некоторой степени наживное. Сообразительность, смекалка, память, внимательность, наблюдательность и разные другие умственные способности развиваются, растут, крепнут от работы и во время работы.

У иных людей память бывает очень хорошей, а у других слабой. Иные люди особенно хорошо заучивают стихи и отдельные слова, а другим это удается плохо. Есть такие люди, которые с трудом заучивают разные цифры, например года, а другим особенно легко запоминать ход рассуждений, мыслей, но вот отдельные события (факты) запоминаются ими плохо. Есть и такие люди, которые хотя легко и быстро запоминают, но скоро и легко и забывают. А иной выучивает с трудом, но зато долго помнит. Из этих примеров и видно, что память бывает разных сортов.

Разумеется, нельзя не принимать в расчет разные качества памяти при выборе для себя книг. Например, человеку с плохой памятью бесполезно указывать толстую книгу со множеством фактов и цифр.

Вот еще пример этому: иной человек очень хорошо замечает все, что у него перед глазами, а другой почти ничего не замечает из того, что творится вокруг него. Почему так? Глаза хорошие и у этого человека, но он постоянно ходит да ходит со своими думами и в них-то всегда и погружен. Поэтому такой человек бывает не очень-то внимателен к другим людям и ко всему окружающему.

Бывает различен и склад ума вообще, то есть понятливость, умение обдумывать. Иному человеку вынь да положь, он только тогда и поймет, когда посмотрит, пощупает и попробует. А иные люди бывают догадливые, все понимают с полслова и даже без слов, по намекам. А иные должны до всего доходить рассуждениями. Все это тоже разные сорта способностей.

…Попробуем теперь, опираясь на этот принцип (индивидуализации самообразования. — *Сост.*), устранить и некоторые практические трудности, встречающиеся на пути в такой работе.

Одна из них и, думается нам, одна из главных, так как она останавливает многих и многих, заключается в недоверии к самому себе со стороны людей, принимающихся за самообразовательную работу, — недоверии к своим силам и способностям. Такие самонедоверчивые люди то и дело говорят себе: «Что я могу для себя сделать? Жизнь моя так сложилась, что

я вышел вот каким, не больно-то талантливым». Другие же прямо решают: «Я неспособный, я глупый». Или: «Время для такой работы уже прошло для меня, — память ослабла, ум завял, жизнь заедает, свежесть души утеряна» и т. д.

На основании нашей переписки с тысячами читателей в течение десятков лет, на основании многих сотен примеров, свидетелями которых мы были, фактов, которые видели, признаний, которые мы слышали… мы позволяем себе сказать таким людям: неправда! Ни для кого не может пройти время для самообразовательной работы. Нет таких способностей и даже неспособности, которых нельзя бы было пустить в ход и использовать. Нет таких сил, даже самых маленьких и ничтожных, которые не помогли бы даже скромному от скромных хоть немного расширить, углубить, возвысить, украсить свою жизнь…

Если я чего-нибудь действительно страстно хочу, тогда у меня и способности являются, потому что весь я горю этим желанием. Кислое настроение, предвзятые убеждения в том, что моя попытка во всяком случае окончится неудачей, уж, разумеется, не могут способствовать самой работе. Каждый человек к чему-нибудь да способен. Не о способностях нужно говорить, а о каких именно и к чему именно способностях. Не забудем, что гимназическое начальство признало когда-то неспособным и Белинского. К числу таких был сопричислен гг. педагогами и Глеб Успенский… Миллионы людей числятся и даже сами себя считают неспособными потому, что делают почему-либо то дело, к которому они действительно непригодны, и не делают того, к чему несомненно способны. Эта, в сущности, банальная[13] истина, не так банальна, как кажется, если взглянуть на нее с точки зрения исследования способностей. Нередко, например, способными людьми называются люди с хорошей памятью: такие быстро впитывают в себя отовсюду и факты, и идеи, и делаются богатыми ими. Но присмотритесь к этой самой памяти — и окажется, что память памяти рознь: есть люди, которые превосходно запоминают все, что придется, но вместе с тем плохо систематизируют, плохо обобщают и обсуждают. Такие люди в одном смысле — люди способные, но они же в другом смысле (как не умеющие ни в чем ориентироваться) мало чем отличаются от дураков. Если они возьмутся за рассуждения или за чтение философских книг, они их запомнят, не поняв. Тип зубрил тоже всем известен.

Другие люди, напротив, отлично запоминают ход рассуждений, а из фактов — только те, которые именно их иллюстрируют, но совершенно неспособны запоминать вообще

разбросанных пестрых фактов, формул, годов. Читатель этого последнего типа лишь с величайшим трудом может читать книги, бесконечно пестрящие фактами. Чему же тут удивляться, что такой читатель легко может счесть себя неспособным, если схватится на первых же порах за такую книгу, которая не подходит к складу его памяти? И, действительно, к этому чтению такой книги он не способен. Но тот же самый читатель поймет и запомнит книгу по той же самой всеобщей истории и химии, если попавшаяся ему книга преподнесет эти же самые науки в виде рассуждений, то есть в той форме, которая именно свойственна складу ума этого читателя в наибольшей степени. То же самое явление наблюдается при выборе книг с точки зрения эмоций, т. е. чувств читателя.

Вывод отсюда ясен: при работе над своим самообразованием вопрос о неспособности упраздняется, если работающий над самообразованием построит эту свою работу на принципе индивидуализации чтения и станет искать книгу не только хорошую, а книгу подходящую, подходящую к индивидуальности данного читателя. Каждый человек по любому вопросу может найти книгу, которая даст ему знания в той именно форме, которая именно ему, этому читателю, необходима.

Таким образом, вопрос о размерах способностей сам собой отпадает и во всяком случае отодвигается на задний план, теряет свое устрашающее значение. Вместо него выступает следующий вопрос — вопрос действительно громадной, практической важности. Это вопрос о возможно полном использовании своих наличных способностей. Жалеть и плакаться о том, что я не имею больше того, что у меня есть, дело по существу действительно праздное и ни к чему не ведущее. Чего не дано, того и не дано — не природу же проклинать за это. Но вот если я не сумел использовать того, что я действительно уже имею, и не сделал никакой попытки развить наличность своих сил, — это уже настоящее преступление и против общества, в котором я живу, и против самого себя, пострадавшего от такого преступления.

Принимаясь за дело, следует рассчитывать главным образом на самого себя. Без собственных усилий никто никогда своей цели не добивается. Никакая помощь со стороны не может заменить своих собственных усилий. Лишь для некоторого ускорения и успешности работы бывает иной раз полезна помощь.

Человека делает образованным лишь его собственная внутренняя работа, иначе говоря, собственное, самостоятельное обдумывание, переживание, перечувствование того, что узнает от других людей или из книг. Книга и вообще чужие слова — это только средство — они вроде как искорки, зажигающие в нашей

душе то, что там успело уже накопиться до этого времени: в чьей душе еще ничего не накоплено, там нечему и загораться, — на того книга и не подействует. Кто сам и по-своему еще не передумал чужих или книжных дум, тот и не должен считать их своими. Запомнить — это совсем не то, что усвоить. Кто сам не пережил и не перечувствовал чего, на того никакая книга не подействует и в этом смысле. Кто сам не хочет, того не научит хотеть никто иной со стороны. Вот почему нам никто не поможет, если мы сами себе не поможем.

Помощь самообразовательной работе может выражаться со стороны главным образом лишь общим руководством. Если она будет очень детальна, то самообразование перестанет быть таковым. Детальное руководство дается в школе, а не вне школы, и главным образом детям, а не взрослым. Чем скорее отучается человек ходить на чужих помочах, тем лучше: надо научиться путем самообразовательной самостоятельной работы брать от книги и из науки не то, что другие указывают, а то, что нужно самому. Чужие указания — не более как совещательный голос.

Указания пусть будут указаниями, а решают дело и дают тот или иной результат все-таки наша самодеятельность и труд. Облегчить и упорядочить самообразовательную работу, разумеется, можно. Но работать, работать и еще работать все-таки должно.

Многие не знают, как Приступить к работе по самообразованию и в чем заключается ее первый шаг.

В этом отношении нет и не может быть никаких правил, одинаковых для всех. Каждый должен вести свою работу на свой образец, но при этом всегда нужно, по возможности, применяться к своим личным качествам и к обстановке своей жизни.

Начинайте с того, что вам интересно и что важно для вашей жизни. Только тогда вы сделаете много, когда ваша самообразовательная работа будет для вас интересна и внесет кое-что новое и важное в вашу жизнь. Великое дело во всякой работе — ее систематичность. Но еще важнее — ее интересность, увлекательность, любовь к ней, — словом, настроение, эмоции работы… Цель определяется тою совокупностью знаний, которая необходима каждому человеку, желающему сделаться образованным. Что касается до путей, то они определяются личными свойствами, интересами, желаниями, стремлениями, обстановкой жизни каждого читателя особо.

«Делай, что можешь; старайся сделать возможно больше» — вот принцип работы. То же можно сказать не только об изучении каждого отдельного вопроса, отдельной области жизни, но и относительно выполнения всей общеобразовательной программы.

Не следует забывать при этом, что все отвлеченные и общие указания нуждаются также в приспособлении их к каждой отдельной индивидуальности.

При такой постановке работа над самообразованием приобретает очень определенный смысл и цель. Вместе с тем определяются и размеры и характер работы для достижения такой цели.

Многим читателям можно дать такой совет: начинайте ваше самообразование с того конца, который для вас имеет практическое значение. Берите хотя бы книжку, касающуюся непосредственных ваших профессиональных занятий. **Не в том самая суть дела, какую вы книжку возьмете, а в том, что вы передумаете, читая ее.**

Но какую бы книгу вы ни читали, ставьте прежде всего самому себе вопрос: действительно ли все понятно вам в той книге, которую вы читаете? Отделяйте непонятное от понятного, познанное от непознанного, достоверное от недостоверного, точное от неточного, то, что есть, от того, что кажется. Идите в глубину, прежде всего в глубину. Тогда перед вами сам собой возникнет целый ряд вопросов. Любая книжка наведет вас на мысли о целом ряде явлений, происходящих и в вас и вокруг вас.

КАК ЧИТАТЬ КНИГИ

Главным орудием при самообразовательной работе является книга, а самая работа в значительной степени, хотя отнюдь не вполне, сводится к чтению. Поэтому к предыдущим вопросам примыкают такие: как читать? Чего требовать от читаемой книги? Чего искать в ней, стремясь достигнуть намеченной цели с наибольшим результатом и с наименьшей затратой времени, сил и средств?

Всякая книга действует или может действовать и на интеллектуальную, и на эмоциональную, и на волевую сторону читателя, и на деятельность его. Разумеется, все эти виды книжного влияния бывают различны у разных книг и для разных читателей и в разной обстановке, но все они — несомненный факт. Далее, нельзя не отметить еще двух очень важных сторон читательства: одно дело — содержание книги, то, что она действительно дает по замыслу, намерению автора ее, и совсем другое дело — то, что читатель берет из нее.

В чем же, в таком случае, главное значение книжного влияния? Не столько в том, что читатель выносит из книги, сколько в том, что он сам переживает во время ее чтения, — в том, что он передумывает, читая ее, в том, какие чувства, настроения, стремления, мечты и т. д. зарождаются при этом в читательской душе и стремления к каким именно действиям. Но все это происходит не столько под влиянием книги, сколько совместно с нею, одновременно. Говорят нередко: «Книга наводит на мысль». Это правильнее, чем говорить: «Книга внушает мысль». Правда, иная книга производит настоящий взрыв в душе. Но ее роль, даже и в таком случае, это роль искры, прилетевшей в пороховой погреб. А что именно делает эта искра — это зависит от того, что еще до этого времени было в том погребе, куда эта искра прилетела.

Не смущайтесь особенно тем, что вы берете из данной книги не все, что она содержит, и не то, что она другим людям дает. Смущайтесь только тогда, когда вы, читая книгу, не проделываете своим умом и всей своей душой при этом крайне важной и нужной и чрезвычайно полезной для вас работы: и дум своих не продумываете и чувств своих не переживаете, и никуда-то, никуда не стремитесь, и ни о каких действиях не мечтаете… Тут идет речь не о том, чтобы вот сейчас поддаваться действию книги в том именно направлении, которое она нам указывает, а в том, чтобы самому себе все указать, — своими средствами, своим умом.

Если есть в книге что-либо действительно налезающее, так только одно, а именно — факты, т. е. нечто такое, чего нельзя не принять и чего нельзя не признать. Но ведь, если о признании или непризнании фактов не спорят, то все-таки спорят — и еще как! — о толковании, объяснении фактов. Но что такое факты? Как мы уже отметили выше, это и есть жизнь. Значит, даже говоря о том, что для человека, стремящегося к знаниям и пониманию, прежде всего необходимо знание именно фактов, все-таки не приходится забывать, что и здесь главная суть дела заключается не только в их познании, но и в обдумывании и проявлении (действии).

Настоящее знание — это не только яркое, жизненное знание, оно, кроме того, и точное знание. А чтобы добиваться таких знаний путем самообразования… надо мыслить, вникать, понимать, проверять; надо выработать в себе уменье делать это. А уменье мыслить — это своего рода искусство, и каждая читаемая книга заставляет учиться ему и практиковать в нем.

Передумывать те думы, которые изложены в книге, сводить их к, фактам, к жизни, проверять их — это и есть второе дело, которое должно делаться при самообразовательной работе. Нет такой книги, которая не помогала бы такой гимнастике мозга, полезной самой по себе. Хорошие же, т. е. умные, книги помогают и учат ей в особенности.

Ясность мысли предполагает уже ясность знания, и одно без другого невозможно. Далее, мышление необходимо потому, что приводит в порядок полученные и получаемые знания фактов.

История теорий, история мнений — один из лучших способов разбираться в них. А так как мнения и теории встречаются в каждой отрасли знания, то история каждой науки является необходимой принадлежностью в деле самообразования. Знакомство с этим сильно облегчает выработку своего собственного мнения, а к этому-то и должна вести самообразовательная работа.

Приобретая знания посредством чтения, надо стараться приводить их в систему, т. е. в порядок.

Но что значит — система или порядок знаний?

Сколько людей, столько может быть и систем. У каждого может быть своя особая, кому какая нравится и кому какая нужнее и удобней. Главная задача всякой — не делать пропусков, не оставлять пробелов, особенно же самых существенных. Каждый отдел всякой системы — это лишь частица необходимых знаний. Иначе говоря, все дороги, все системы ведут к одному и тому же. Придумывай всякий свою или же выбирай по своему вкусу, — только следуй-то ей до конца. Тогда и получится то, что нужно.

Система необходима только самим тобой придуманная да продуманная. Никогда ни к чему не ведет насильное напяливание чьей-нибудь чужой системы; пусть она и хороша, только не для всякого.

Вдумывайтесь в то, что вам интересно, ставьте вопросы, расчленяйте их на разные другие, второстепенные вопросы, проделывайте и с этими последними то же самое, так, чтобы каждый расчлененный вопрос стоял перед вами, властно требуя ответа, — и таким способом вы получите систематическое образование, с какого бы вопроса вы ни начали.

Суть образования заключается не столько в том, с чего начинать, сколько в том, чтобы систематически «путешествовать по Вселенной». Если есть действительно серьезный интерес хоть к какому-нибудь вопросу, для вас в данное время жгучему и важному, задумайтесь над ним посерьезнее хоть на одно мгновение, и вы уже почувствуете, что вам недостает образования вообще, и целый ряд знаний не гложет не показаться вам притягательным и манящим в светлую даль. Сама работа, самый ход ее заставит вас наметить более или менее определенную последовательность в ней. Вы сами поймете, например, что нельзя браться за изучение высшей математики без знакомства с низшей, за изучение медицины без знакомства с устройством человеческого тела. Возьмите любую книжку по высшей математике или медицине — и вы сейчас же отскочите от них, почувствовав недостаток своих знаний. По самой непонятности своей эти книги покажутся вам неинтересными.

Последовательность занятий, во всяком случае, — понятие очень относительное, и если некоторые читатели, по своему складу ума, настойчиво требуют последовательности во всех деталях общего плана занятий, читатели другого склада, ничего не теряя ни в качественной, ни в количественной стороне знаний, довольствуются самыми общими указаниями на этот счет.

Многие читатели думают, что систематичность — это прежде всего систематичность в самом ходе занятий, и проклинают себя за то, что они работали над самообразованием несистематично; между тем самая суть систематичности заключается не столько в том, в каком порядке усваивать знания, сколько в том, как приводить в порядок знания, уже приобретенные. Систематичность прежде всего должна быть в голове. Схема же должна говорить о том, что в каждом окружающем явлении есть такие-то стороны. В природе и жизни все слито со всем и все влияет на все. Человек, у которого знания приведены в систему, имеет возможность в каждом явлении жизни систематически различать целый ряд сторон, иными словами, систематически

расчленять каждое явление для того, чтобы лучше познать его, глубже и детальнее вникнуть в него… Одно из могущественных орудий культурного ума — систематическое, глубокое вникание в окружающую жизнь.

Нужно дать начинающему читателю своего рода географическую карту той страны, по которой ему придется путешествовать во время его работы над самообразованием. Эта карта должна помочь ему, так сказать, окинуть Вселенную общим взором — развернуть общую картину космической, органической, социальной и духовной жизни, наметить комплекс целого ряда областей этой жизни, целого ряда вопросов в каждой области, целого ряда фактов, ставящих эти вопросы и заставляющих задумываться о себе. Роль такой путеводной карты могут играть книги, посвященные, например, вопросу об эволюции — о происхождении небесных светил, Земли, растений, животных, человека, человеческого общества, государственного и экономического строя, религии, нравственности, культуры, искусств и т. д.

Грандиозная картина мироздания захватывает читателя своим величием и раскрывает перед ним такие горизонты, каких он, быть может, и не подозревал, вместе с тем возбуждая неудержимое стремление поподробнее познакомиться с ними.

После предварительного знакомства с общим приступать и к изучению отдельных отраслей знания, или, точнее говоря, отдельных областей жизни, освещая каждую область с разных сторон.

Работая над самообразованием, отнюдь нельзя забывать о том, что от всякой идеи и теории, буде они правильны, должна существовать не только соединительная ниточка, но и настоящий, прочный мост, ведущий к фактам, которые и представляют из себя их фундамент, базу. Вот вы усвоили из какой-нибудь книги какие-либо общие отвлеченные понятия. Вот они кажутся вам очень ясными, и простыми, и справедливыми, и доказательными, и как будто доказанными. Но так ли это? Чтобы ответить на такой вопрос, подыщите факты из вашей или вам доступной жизни, непосредственно вами пережитые, виденные или узнанные из солидных источников и т. п. Сделайте в вашем уме подстановку и замену идей и теорий фактами. Если сейчас их не вспомните, то поищите в другой раз. Если и тогда не найдете, постарайтесь впоследствии не забыть того, что вам необходимо, — держите, пока что, и теорию под вопросом, не принимая сразу на веру, пока вы, в конце концов, действительно не построите мостика от этих отвлеченных идей и теорий к фактам.

Для понимания фактов необходимо сравнивать их между

собою, классифицировать, обобщать, словом, заботиться о том, чтобы в голове не было сумбура, а был порядок, система. Кроме того, только систематизируя свои знания, можно подмечать и заполнять пробелы в них, а вот эти-то пробелы в знаниях и есть та внутренняя язва, которая отличает так называемого «самоучку» от человека действительно образованного. Как известно, самоучка набирается знаний, как говорится «оттуда и отсюда, и понемножку ниоткуда», набирается беспорядочно и случайно; поэтому не мудрено, что, зная и понимая кое-что в той или иной области, он сплошь да рядом не знает и не понимает самого главного, самого существенного. И вот, вместо этого, «на этом самом месте», — у него зияющая пустота, дыра, С первого взгляда кажется, что каждый человек без особенного труда может определить все пробелы в своих знаниях. И правда, как будто стоит лишь взять первый попавшийся учебник и прочесть хотя бы его оглавление, — даже только его, — и уж с его помощью можно составить список этих своих существенных пробелов. Но это совсем не так. Читатели, у которых имеются в голове зияющие пробелы, не могут решить по одному оглавлению, какие отделы книги и какие знания, в них излагаемые, существенны, а какие нет. Для того чтобы решить это, необходимо прочесть книгу и вникнуть в нее.

Всякий желающий в настоящее время имеет возможность получить очень определенные понятия о системе знаний вообще, о их круге, далее, о системе знаний в области каждой отдельной науки. Существуют по каждой отрасли знания небольшие и элементарные учебнички, популярные и, в научном смысле, очень ценные. Как бы ни был элементарен такой учебник, во всяком случае в него входит то, что наиболее существенно в данной науке. Вопиющих пробелов в нем нет. Каждый такой учебничек знакомит, во-первых, с основными фактами данной науки, во-вторых, с их обобщениями, т. е. главнейшими научными теориями в ее области.

Попробуйте отвечать себе, например, на такие вопросы, видя любой факт: Что здесь самого существенного, а что мелочи несущественные?

Всегда ли так бывает, например, в других местах и странах? И всегда ли и всюду ли так бывает и было? А было ли так в старину? С каких пор это началось, появилось? За десятки или за тысячи лет? Хорошо или дурно, по-вашему, то, что происходит перед вами? Красиво это или некрасиво? Желательно ли вам или нежелательно? Полезно или вредно? Чем, и как, и каким способом следовало бы это заменить, по-вашему? И как осуществить свои желания и намерения на деле?

Учитесь отвечать себе на такие вопросы возможно полнее, отчетливее, точнее и осторожнее. Отвечать на такие вопросы — это и значит вдумываться в жизнь.

Вряд ли нужно доказывать, что подходящего для всех плана не только нет, но и быть не может. Вырабатывать его должен сам работник, каждый для себя, и принимая в расчет все особенности как своей личности, так и той обстановки, в которой ему приходится существовать. И, вырабатывая этот план, нечего смущаться, что, вот, мол, я делаю не так, как другие. Ведь тут дело не в этом, а в том, чтобы сделать свою самообразовательную работу сколь возможно производительнее. А к планам, заимствуемым со стороны, относитесь критически, так как никто вас, и ваших знаний, и ваших личных особенностей, и условий вашей жизни лучше вас самих не знает, да и знать не может. Итак, во всяком случае, приступая к работе над самообразованием, необходимо обратить особенное внимание на приспособление общего плана или общей программы самообразовательной работы к самому себе. Нужно поставить себе задачей выработать этот план и программу в возможно полном соответствии со своей личностью и со своей обстановкой. Только это соответствие и поможет сэкономизировать время, силы и средства… Такую постановку мы и называем индивидуализацией самообразования, в отличие от практикуемой обыкновенно рекомендации хороших книг.

Лишь экономизирование (времени, сил и средств. — Сост.) дает возможность человеку, занятому работой, получать собственными средствами то, чему помешала жизнь: человеку, получившему образование начальное, — продолжить его; человеку, получившему образование специальное, — дополнить и расширить его; и, наконец, всякому человеку, кто бы он ни был и какими бы силами ни обладал, и в каком бы глухом углу ни жил, — сделаться человеком действительно образованным, развитым и полезным прежде всего трудящемуся народу.

Работу над самообразованием необходимо поставить так, чтобы она достигала наибольших результатов при наименьшей затрате сил и времени.

Спрашивается теперь, как же это сделать? Как осуществить это на практике?

Между читателем и книгой, которая ему нравится и которая ему больше всего дает, всегда существует определенное соотношение, точнее говоря, сходство, аналогия — как бы сродство. Не всякая хорошая книга нравится всякому. Но у каждого читателя наверное есть один или несколько «любимейших авторов», производящих на этого читателя

особенно сильное впечатление. Правда, такое соотношение читателя с автором может быть и минутным, случайным, преходящим, но, тем не менее, в существовании его сомневаться не приходится. Оно факт. Далее, кроме элемента мимолетности, существует в этом сродстве и элемент постоянный, длительный и более глубокий. Ярче всего он и выражается в вышеупомянутом факте, что у каждого читателя, чуть не по каждой науке, обыкновенно имеются свои любимые авторы, свои любимые книги, даже любимые отрасли знания… Спрашивается теперь: почему же это имеется? Почему разные книги действуют на людей по-разному?

Это соотношение можно формулировать довольно точным образом, а именно так:

На читателя сильнее всего действуют те свойства автора, которые имеются, в том или другом количестве, у самого читателя. Всякая черточка, всякая психическая особенность, имеющаяся налицо у автора в тот момент, когда он пишет, не может не отразиться на том, что и как написалось. То же самое психическое качество, раз оно имеется у читателя в момент чтения, не может не сделать этого последнего наиболее чутким к восприятию именно этого качества по правилу «рыбак рыбака видит издалека».

Дело сводится к необходимости возможно разносторонней оценки и читателя, и книг и к подыскиванию для него таких книг, которые наиболее соответствуют его собственным типическим чертам. Этим способом облегчение самообразовательной работы будет достигнуто, и если почему-либо и не вполне, то во всяком случае полнее, чем при руководстве одними лишь списками «вообще хороших книг».

Такая постановка делает еще одно важное дело. Она помогает выработке гармоничной личности, возможно разносторонней и приспособленной к возможно разнообразным формам и приемам умственной работы. Самообразование предполагает уменье читать всякие книги. Но этого сразу не достигнешь.

Для того чтобы дело самообразования поставить на почву индивидуальной психологии, вовсе и не требуется чересчур детальное исследование личности или самоисследование. Достаточно определить лишь некоторые свои черты, наиболее характерные, а именно: память, внимание, склад ума и характер мышления, эмоциональность и волю.

Всякий час, всякую минуту можно очень хорошо использовать для своего просвещения.

Уделить на такое важное и полезное дело всего лишь один часок в день может всякий. А в воскресный или праздничный день

всякий может уделять на чтение и обучение по крайней мере часа по три. Сколько же это выйдет в течение года? Это выходит по меньшей мере 450 часов: 52 воскресенья по 3 часа— это значит 156 часов, да 313 будней по одному часу — это значит 313 часов. Во всяком случае даже при недостатке времени все-таки получается более 450 часов в год — для своего собственного просвещения.

В такое число часов можно сделать много. Даже очень много. Лишь бы было хотение да умение. Лишь бы узнать настоящий, правильный способ, как использовать свое время и силы и как, за самое короткое время, сделать возможно больше.

Вот сколько страниц можно не только прочитать, а изучить в течение 450 часов: по меньшей мере пять тысяч страниц!

Это читая самым обыкновенным способом. А читая по способу усовершенствованному (т. е. читая книги, подходящие для данного читателя. — *Сост.*), всякий сможет прочитать и изучить вдвое или втрое больше.

ВЫБОР КНИГИ

Выбирать книги для своего и чужого чтения — не только наука, но и искусств о…

Иные читатели жалуются в своих письмах на то, сколько средств и сил они потратили на приобретение книг, пользуясь указаниями разных программ, каталогов, рецензий. Накупили целые библиотеки. И немало читали, ломая голову и глотая книгу за книгой, — и ничего, кроме переутомления и головной боли, не добились, солидного запаса знаний все-таки не приобрели, как и настоящего образования и развития; и все их труды оказались ни к чему или почти ни к чему и привели за собой только знакомство с кое-какими учеными словами и отрывочными фактами и идеями, которые так и не пустили корней в душу. И опять отчаяние, и на этот раз уже от внутренних, а не от внешних причин.

Как же вести свою самообразовательную работу?

Первым и самым главным средством для этого является **правильно поставленное чтение**. Но что значит — чтение, правильно поставленное? Это такое, которое позволяет достигать наибольшего при наименьшей затрате сил. С этой целью необходимо начинать свое самообразовательное чтение с таких книг, которые для читателя, во-первых, особенно интересны, и всегда стараться вести свои занятия тоже по книгам интересным; то, что интересно, захватывает сильнее, читается внимательнее, а потому легче запоминается. Этот интерес к тому, что читаешь, необходимо поддерживать в течение всей своей самообразовательной работы и от одного интересного вопроса переходить к другому, с ним связанному, — дальше и дальше, глубже и глубже, из области в область… Не столь важно, с чего начинать, — гораздо важнее вести работу так, чтобы она всегда была интересна. Так постепенно и достигнуть своей цели.

Иному кажется, что требуется особый и последовательный порядок в получении разных знаний. Что после чего изучать, какую науку после какой? Иной раз и неинтересную прежде самой интересной. Но от этого прока будет не много: то, что неинтересно, лезет в голову очень туго.

Вести свою самообразовательную работу необходимо не только по книгам интересным, но и по книгам как раз для тебя подходящим. Что же значит книга, для тебя подходящая? Подходящей книгой называется такая, которая в наибольшей степени соответствует всем твоим качествам и свойствам, например, запасу твоих знаний, складу твоего ума, твоим

желаниям и стремлениям, вообще всем твоим душевным качествам, интересам и выгодам, также твоей подготовке, уровню твоих знаний, умственному твоему развитию, обстоятельствам твоей жизни.

Благодаря такому соответствию подходящая книга сильнее других действует, легче запоминается и лучше понимается. И можно сохранить много и времени, и сил, если начинать вести свою самообразовательную работу с помощью особенно подходящих книг. Одна такая книга дает больше, чем три-четыре других, для тебя неподходящих, хотя и столь же хороших. При выборе для себя книг никогда не следует забывать об этом. Особенно это важно при выборе книг научных, потому что чтение и усвоение их дается труднее.

Каким же способом подыскивать для себя подходящие книги из числа хороших?

Для этого можно рассортировать все существующие книги по их главнейшим свойствам и качествам. Книги, как и люди, бывают разных характеров, смотря по тому, кто и как их писал. Свойства и качества писателя сильно сказываются на том, как эти люди пишут свои книги. Это видно по языку и слогу книг, и по их плану, и по многому другому.

Вот главнейшие типы или сорта книг: есть такие книги, где главным образом описываются, сообщаются факты. Но есть и другие книги, которые представляют собой главным образом рассуждения без всяких фактов или почти без них. В иных книгах факты описываются очень подробно, обстоятельно, ярко; в других же факты вовсе не описываются, а лишь перечисляются, да еще к тому же очень кратко. В иных книгах о фактах упоминается лишь изредка, для того чтобы подтвердить ими то или иное рассуждение. Иные книги с фактами или с рассуждениями написаны совсем холодно, т. е. без всякого одушевления и беспристрастно; другие же написаны горячо, с чувством, с пристрастием. Иные книги действуют главным образом на рассудок — что-нибудь доказывают, стараются убедить, но при этом ничего не говорят сердцу. Есть книги, где говорится о том, как работать, как действовать; другие же выясняют только, что есть, но вовсе не говорят о том, как действовать, — не показывают, что и как делать и какими способами и приемами пользоваться для достижения каких целей.

Разные книги различаются и по своему языку: иные составлены из слов и оборотов речи всем известных и понятных. В других же книгах словам придается особый, необычный смысл. Для понимания некоторых книг не требуется никаких особых знаний, для понимания же других — требуются очень большие

знания и уменье рассуждать.

Книги бывают разные еще и смотря по тому, чьи интересы они защищают: есть книги, которые защищают интересы дворян-помещиков; есть другие, которые защищают интересы фабрикантов, промышленников, торговцев, банкиров; третьи — интересы крестьян, рабочих и вообще трудящегося народа; четвертые— интересы чиновников, духовенства и т. д. Смотря по тому, какая книга чьи интересы защищает, на того она сильнее и действует. При выборе книг надо еще принимать в расчет и возраст читателя, и его воспитание, и обычную обстановку его жизни (городскую, сельскую, казарменную, фабричную), и т. д.

Из этого видно, что выбирать подходящие книги не очень-то легко. Но все же это дело вполне возможное, оно делается каждым из нас, только без рассуждений, а по собственному нюху, хотя он иногда и обманывает. Кто сам любит рассуждать, тот обыкновенно любит и книги с рассуждениями. Кто сам любит присматриваться к жизни, тот любит и книги с описаниями. Кто сам сильно чувствует, тот любит и книги, написанные с чувством, с настроением, горячо. Кто сам любит мастерить и вообще действовать, тот ищет и книг, где говорится о том, как надо действовать и как люди действуют или действовали. Скажи мне, какие книги тебе нравятся, — и я скажу, каков ты сам. Таким соответствием книг с их читателями надо воспользоваться для того, чтобы сделать из себя образованного, интеллигентного человека возможно быстрее. Надо всегда стараться, чтобы вести занятия по книгам интересным, нравящимся, подходящим, посильным. Это наиболее необходимо при начале занятий, потому что первые шаги особенно трудны. Но, разумеется, по мере хода работы надо приучаться и к чтению всяких книг.

Что такое хорошая книга? Вот вопрос, который имеет в наш книжный век, можно сказать, громадное, даже универсальное значение. Каждый год появляются многие тысячи новых книг[14]. Книги сортируются и бракуются, превозносятся, разругиваются. Но спросим себя: неприятная судьба постигает только ли худые, никуда негодные книги? Оказывается, вовсе нет. К числу книг, забракованных, не говорим уже правительством, — а читателями, целых 200 лет относился Шекспир… А присмотритесь к читающей толпе в любой библиотеке. Она сыплет целым дождем самых суровых приговоров над целыми сотнями и тысячами книг. Но не только эта пестрая толпа, а также и профессиональные читатели-рецензенты и критики и даже историки литературы не менее строги и, главное, противоречивы в своих приговорах.

Что же такое хорошая книга? Если сопоставить все приговоры, даже о классических книгах, то окажется как будто,

что или вовсе нет на свете хороших книг, или все книги хороши, каждая в свое время и на своем месте, и для определенного типа читателя…

Другими словами, вопрос о «хорошей книге вообще» сводится к вопросу о подходящей книге — подходящей для данного читателя.

Книги тоже имеют свой удельный вес, свою специфическую ценность. Разные книги захватывают читательские круги разной величины. Иная книга нравится лишь немногим, другие, как например сочинения Л. Толстого, захватывают миллионы людей самых разнообразных типов. Почему так? Неужели это благодаря своей форме — форме изложения, а не содержания?

Оценка книг сводится, в конечном итоге, к их научной проверке, к сопоставлению с жизнью и ее явлениями.

Своего рода научность, называемая обыкновенно «правдой жизни», или, точнее говоря, правдой изображения жизни, является необходимым условием и в отделе изящных искусств, в том числе и в беллетристике.

Говоря с точки зрения практики, вопрос о выборе книг сводится вот к чему:

Перед нами, во-первых, читатель, обладающий такими-то особенностями ума, чувства, воли, такою-то научной подготовкой, такою-то классовой психологией, объясняемой условиями его жизни, его общественным положением. Далее, перед нами такая-то наличность книжных богатств, известная ему по каталогам книжных магазинов, библиотек, по рецензиям и критическим статьям и т. д. Каким же способом может этот самый читатель отыскать себе в этих книжных богатствах именно то, что ему необходимо и что в наибольшей степени соответствует складу его души?

От практического решения этого вопроса зависит, в какой же именно степени сможет данный читатель сэкономить свое время, свои силы, свои средства, работая над самообразованием. Если работа над самообразованием идет по книгам, не соответствующим психологическому складу данного читателя, она требует от него вдвое, втрое больше сил и времени, которых у рабочего человека, как известно, не имеется. Если же такое соответствие налицо, — человек, имеющий в своем распоряжении даже по два-три часа в день, может сделать уже очень многое.

Всякий образованный человек должен выработать в себе уменье читать всякие книги, какую бы форму ни имело их изложение — конкретную или абстрактную, сухую или «с настроением» и т. д. Образованность предполагает уменье разбираться и в теориях, в точках зрения, и в вопросах, и в форме

изложения, а значит, вообще в книгах, кем бы и как бы они ни были написаны. Но одно дело выработать в себе такое уменье и совсем другое дело — вырабатывать его. Это уменье — цель, цель читательской техники, но оно дается не сразу.

Как его вырабатывать с наименьшей затратой времени и сил и с наибольшим использованием своих способностей и в той обстановке, в которую поставила данного человека его жизнь? Вот вопрос чисто практический, на который и нужно дать ответ. С этой практической точки зрения для работника далеко не одно и то же, с каких именно книг начинать свою самообразовательную работу. Удачный выбор первой научной книги, которая должна открыть собою самообразовательную работу, имеет громадное, даже решающее значение именно для начинающих.

Всякий человек может найти подходящую для себя книгу, о чем бы ему ни захотелось почитать. Поищи хорошенько — и найдешь. Сам не найдешь — у другого спроси, у того, кто хорошо знает, какие есть книги на свете. А о них знают библиотекари и учителя, и вообще книжные люди. Имеются также особые печатные указатели или пособия для выбора подходящих книг.

Начинать надо с книг подходящих, но это лишь для того, чтобы понемножку научиться читать всякие книги. Пусть читатели не боятся книг не вполне понятных и даже совсем непонятных, лишь бы они читали их не по образцу гоголевского Петрушки.

Ройся в книгах при всяком удобном случае. Старайся перелистать и пересмотреть на своем веку возможно больше разных книг.

Рыться в книгах — это то же, что искать для себя подходящую книгу. Не подошла одна — ищи другую, а то и третью, четвертую, сотую и так далее. Ищи до тех пор, пока не найдешь подходящей.

Прочитывай что-нибудь из всякой книги то на той, то на другой странице. Рассматривай картинки и рисунки. Рассматривай внимательно. Постарайся понять и вникнуть в то, что там изображено. Это и значит рыться в книгах. Не пропускай такого случая никогда и никак. Всякий из нас должен пересмотреть таким способом возможно больше книг на своем веку. Пригодится когда-нибудь даже и такое знание книг. Они сами когда-нибудь вспомнятся, когда настанет для этого подходящий случай. Вот таким-то способом и подыскиваются книги подходящие. А лишь только такая попалась под руки, ее сейчас же сам почувствуешь и отличишь от всех неподходящих книг. Необходимо помнить и даже записывать заголовки всех подходящих книг, какие когда-либо попадались под руку. На такой случай заведи у себя особую тетрадочку, да и вписывай

туда заголовки этих подходящих книг, а также имена и фамилии их авторов.

Приступая к самообразовательной работе, читатель должен помнить, что для него необходимо не только знание наук, но и знание книг, библиографические знания.

Вряд ли кто станет оспаривать ту мысль, что на библиографический указатель, рационально составленный и преследующий не только теоретические, но и практические цели, следует смотреть как на необходимое пособие для всякого читающего и мыслящего человека, относящегося вдумчиво и серьезно к тому предмету, который интересует его как читателя или как специалиста. Такое мало-мальски серьезное и вдумчивое отношение к литературе в ее целом или к той или другой отрасли ее, можно сказать, даже совершенно немыслимо в настоящее время без всякой помощи библиографических указателей. Они необходимы не только для профессиональных работников-специалистов, но и для широкой публики. К сожалению, среди широких кругов русских читателей не только не в ходу библиографические указатели, но они им даже совершенно неизвестны. Читающая публика совсем не знает их, а если и знает, то нередко как-то не умеет ими пользоваться. И об этом нельзя не пожалеть, так как от этого проигрывает как количественная, так в особенности качественная сторона чтения и интенсивность этого последнего.

Библиотечный каталог должен по возможности облегчать всякому желающему приобретение общего миросозерцания, указывать систему, указывать дороги, или, точнее говоря, лестницу знаний, а по какой дороге и куда идти — это пусть решает сам читатель. Большинство начинает свое чтение с отдела беллетристики и затем поднимается по ступеням каталожной лестницы все выше и выше. Но это не единственно возможный путь: работать над выработкой общего миросозерцания можно, идя, так сказать, и сверху вниз, и снизу вверх, и даже скачками. Каждый читатель может начинать дело самообразования на свой собственный лад, идя от того вопроса, который кажется ему в данное время наиболее интересным и занятным. Важно только одно — чтобы, начав это дело, читатель не прекращал его, а переходил бы от книги к книге, из отдела в отдел, из одной области знания в другую.

…Как сделать так, чтобы читатель возможно меньше ошибался в пригодности книги, им для себя выбираемой?

Для этого необходимо, чтобы читатель, с помощью каталога, мог судить, во-первых, о содержании книги, во-вторых, о степени ее понятности для него, как читателя, стоящего на такой-то

ступени образования. Ознакомлению читателей с содержанием книг, вводимых в каталог, помогает отчасти выписывание полных заглавий их. Но судить о содержании книги по одному заглавию далеко не всегда представляется возможным. Эти заглавия или слишком общи (напр., «Общий очерк истории», «Зоология» и т. п.), или слишком частны, или слишком иносказательны и вычурны (напр., «На рубеже XIX столетия», «За 10 лет практики», «Хлеба и света», «Алый меч» и пр., и пр.).

Общие заглавия для большинства читателей кажутся чем-то казенным, «учебным»; читатель же этот желает не столько учиться, изучать, сколько читать или «почитывать», соединяя приятное с полезным. Что касается до вычурных кличек, то они обыкновенно вводят читающую толпу в обман, а наиболее серьезных и вдумчивых читателей отталкивают от книг. Вообще говоря, заглавия, в огромном большинстве случаев, для читателей, мало сведущих в науках, не представляют из себя даже и намека на то, что в данной книге имеется ответ на такой-то живой, жизненный, захватывающий, наболевший в его душе вопрос. Поэтому, кроме выписывания полных заглавий, необходимы и другие способы экспонирования[15] книжного содержания.

Вопрос о понимании книги есть, прежде всего, вопрос о научной подготовке читателя и о его умственном развитии. С этой точки зрения все книги могут быть классифицированы по степеням трудности их изложения. Правда, не все категории книг нуждаются в таком распределении, например беллетристические. Но для всех научных книг оно положительно необходимо. Книги беллетристического отдела не нуждаются в таком распределении их по степеням восходящей трудности потому, что не требуют от читателей никакой особой подготовки для своего понимания.

Без сомнения, одно и то же беллетристическое произведение может быть иногда понято разными читателями различно, в зависимости от степени их развития…, но делить книги беллетристического отдела на понятные, малопонятные и вовсе непонятные было бы, по меньшей мере, странно. Даже самый неподготовленный читатель очень быстро ориентируется в книге беллетристического содержания, привыкает к языку ее, схватывает картины, образы, задумывается над основной идеей, делает сравнения и сопоставления описываемой жизни со своей собственной, наконец, оценивает и действующих лиц, и всю обстановку их жизни, и сюжет, и идею книги, и даже самого автора как творца. Беллетристические произведения, таким читателем отбрасываемые в сторону, например кувырканья гг. модернистов, отбрасываются им не вследствие непонимания, а

вследствие оценки. Словом сказать, беллетристика есть самый доступный отдел из всех отделов и, во всяком случае, не требует ни литературной подготовки, ни особого ключа для своего лучшего уразумения.

Совсем иначе обстоит дело с научными книгами. Эти последние для своего понимания требуют от читателя некоторого знакомства с научной терминологией, некоторой привычки к отвлеченному мышлению и даже некоторого запаса сведений, размеры которых зависят от степени популярности данной книги.

Мы сами иногда не сознаем, на каком, в сущности, жаргоне мы обыкновенно говорим, а говорим мы, особенно когда речь идет о научных предметах, на специальном культурном жаргоне, учиться которому для неподготовленного человека иной раз не легче, чем русскому изучать малороссийский или польский язык, и это касается не столько знания самых слов, нередко заимствованных из какого-нибудь чужого языка, но главным образом понимания значения этих слов, которые неподготовленный читатель понимает вовсе не в том смысле, как их понимает человек образованный. Например, слова — «условие», «тело», «материя», «явление», «образ» — имеют в глазах малоопытного по книжной части совсем не тот смысл, как в глазах читателя подготовленного. Благодаря этому, даже независимо от содержания книги, читатель неподготовленный совершенно не способен понимать многих книг, даже когда они и не пестрят иностранными словами, и говорит про эти книги, что «они из разных слов составлены», или, как выразился один малоросс: когда читаешь книгу, «як по одному слову, тай иде, а як зразу — тай и не бере», т. е. смысл каждого отдельного слова для читателя кажется понятным, а смысл всего предложения для него остается темен. И это зависит не только от соотношения слов, но и от того, что читатель придает им вовсе не то значение, какое придал им писатель.

Правда, у разных читателей «реакция на данную книгу», т. е. под влиянием ее чтения, может быть не одинаково сильной. Влияет на силу реакции и время, когда книга читается, и разные случайные обстоятельства этого момента, например извне приходящие, случайные настроения. Не без влияния остаются, видоизменяя результат, и те обстоятельства общего характера, о которых шла речь в предыдущих параграфах, — степень развития и вообще культурной подготовки, условия социальной, классовой и профессиональной среды, особенности местной жизни и т. д.

Кое-что о количественной стороне чтения. Когда говорят о работе над самообразованием, под этой работой обыкновенно подразумевают возможно осмысленное и систематическое чтение,

прежде всего чтение. «Нужно прочитать книги по таким-то вопросам». «Нужно одолеть такие-то науки, просветить себя по таким-то отраслям знания». Такие мнения, хоть и общераспространенные, нуждаются в больших поправках. Нельзя смешивать чтения с самообразованием. Правда, осмысленное и систематическое прочитывание книг — главнейший способ самообразования. Но это последнее еще не заключается в одном только чтении. Среди людей образованных немало таких, которым больше всего дали не книги, а сама жизнь — житейские столкновения, совместная работа и беседы с умными и образованными людьми, пребывание, стояние у хорошего дела и участие в нем, путешествия, хождение по музеям и т. д.

Человек с обостренным вниманием, умеющий обращать его на всякое слово читаемой книги, из одного хорошего руководства берет столько же, сколько другой может взять лишь из многих книг. То же можно сказать о человеке вдумчивом, человеке с хорошей памятью и т. д. При недостатке же внимания, вдумчивости, памяти, многочтение более или менее необходимо.

Далеко не для всех людей пригоден совет: «читайте больше». Вместе с тем есть люди, и их немало, которым можно и даже должно посоветовать: «читайте больше, как можно больше, потому что вам это необходимо, иначе вы не сможете вооружить себя ни знаниями, ни пониманием, ни настроением, которые так нужны в жизни и жизненной борьбе. Вы можете сделаться сильными только таким способом».

От количественной стороны чтения переходим теперь к качественной стороне. Перед нами возникают прежде всего следующие вопросы:

1. Когда я могу сказать про себя, что я действительно что-нибудь знаю и понимаю? Что, собственно, может убедить меня в этом?

2. Что, собственно, я должен вкладывать в свою голову из прочитываемой или изучаемой книги для того, чтобы сделаться действительно образованным человеком?

Только тогда я могу сказать о себе самом, что я действительно обладаю знанием, когда я это знание сумел применить к жизни, к делу, понимая это применение в широком смысле слова. Человек, который отлично изучил, например, теории Маркса или Дарвина, но не способен видеть в жизни тех фактов, в том числе и мелочи из мелочей, которые подтверждают… эти теории, — в сущности не должен считать себя образованным даже в этой своей области. Он, в данном случае, ходячая библиотека или записная книжка, — хотя в них и много хорошего может заключаться, но от жизни они все-таки

отрезаны своим непониманием ее. Мысль, не внедряющаяся в жизнь и ее не толкующая, вовсе не живая мысль, а схоластика, декорация мысли, от которой жизни ни тепло ни холодно.

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Переходим теперь к правилам чтения..

Лучшие правила — те, которые читатель вырабатывает сам для себя. И не теоретически вырабатывает, а на практике… и которые в его же практике и оправдали сами себя… Таким образом, вопрос о том, как читать, сводится к такому вопросу: как могу я, такой-то читатель, придумать для самого себя наиболее подходящие способы чтения?

На такой вопрос дает самый лучший ответ опыт, свой собственный опыт. **Пробуйте всякие приемы** — и тогда, быть может, найдете свой.

Дело не в способах, как читать, а в горячей любви к чтению и образованию. (Подчеркнуто мною. — Сост.)

Но нет ли способа искать эти самые способы, подходящие для данного читателя? Разумеется, они имеются. И первый из них, самый главный, заключается вот в чем. Возьмите себе за правило: **сколько возможно больше и сколько возможно ближе знакомиться с книгами.** Во-первых, узнавать о существовании книг, во-вторых, о качестве их, в-третьих, о вопросах, трактуемых в них. Ищите книгу, ищите и в библиотеках, и у знакомых, рассматривайте, хотя бы и не читая, пробуйте, старайтесь получить возможно полное представление о возможно большем числе книг. Нужно же знать, какие книги существуют на свете. Ведь по объявлениям да по заголовкам и даже по рецензиям этого не узнаешь. Многому учит самый вид книги, ее объем, содержание, характер изложения и т. д. Накопить возможно больше таких знаний в высшей степени важно и полезно, прежде чем браться за чтение книги, а тем более прежде чем выписывать, покупать ее. Гораздо легче, не видя самой книги, узнать, хороша ли, т. е. ценна ли она в научном отношении, чем представить книгу по заголовку. Ведь список вообще хороших книг достать и узнать всегда можно. Труднее узнать, которые из этих хороших книг — книги подходящие. Списки хороших книг содержатся и в «программах чтения», и рекомендательных каталогах и т. п. Но кто вам укажет лучше вас самих книгу для вас подходящую, а главное — вам интересную? Рыться в книгах (каких угодно) — это лучший способ находить интересные книги, интересные вопросы, интересные области знания и т. д. А ведь именно с интересного, как мы видели, и должно начинаться самообразование. Но, скажете вы, найденная мной книга интересной-то показаться может, и вместе с тем она же может и вовсе не быть хорошей, т. е. ценной с точки зрения истины и справедливости. Совершенно

правильно. Но не об искании только интересных книг тут идет речь, а об искании интересных вопросов и областей знания. Сначала найдите для себя таковые, затем вам уже нетрудно будет найти и хорошие книги по этим вопросам. Затем останется только составить список этих хороших книг и постараться повидать их собственными глазами, чтобы выбрать из них подходящую.

Но положим теперь, что интересная для него область знаний уже намечена читателем. Спрашивается, как же выбрать книгу для первоначального знакомства с заинтересовавшей областью? Это опять-таки смотря по человеку. Постарайтесь прежде всего определить, что вы за человек и чего именно недостает вам наиболее.

Говоря о теоретических книгах, нельзя не сказать двух слов о так называемом «направлении» их. Каждая книга, как известно, имеет свое направление; иначе говоря, каждый автор имеет свою точку зрения на описываемые им явления и излагаемые им идеи, к какой бы области жизни и мысли они ни относились, и нет такой области мысли, научно-философской или литературной и общественной, в которой не наблюдалось бы множества направлений, несогласных между собой не только кое в чем, но и в главном, и взаимно исключающих друг друга. Закрывать глаза на направление выбираемых книг отнюдь не приходится даже и начинающему читателю.

Знакомство с основными точками зрения желательно для каждого начинающего, и не с чужих слов, и не из полемических произведений, а по произведениям главнейших их представителей.

Работать над самообразованием необходимо возможно сознательнее. Другими словами, в каждое мгновение работающий должен давать себе отчет в том, какую же часть целого он изучает в данное время и «что к чему». Далее он всегда должен иметь хоть некоторое представление о том, какой именно путь он уже прошел, занимаясь данной наукой, а какой еще не пройден им. В самообразовательной работе все должно быть по возможности ясно и отчетливо…

План самообразования должен **раскрывать перед читателем перспективу**, и не только широкую, но и увлекательную. Поговорите со специалистом, любящим свою науку. Какой бы сухой ни показалась вам иная отрасль знания, специалист, ею увлеченный, сможет вам указать, что и в этой сухой области имеются элементы, которые способны увлекать в глубину данной отрасли знания. В каждой науке имеется элемент, способный увлекать. Можно сказать, что, в сущности, привлекательно всякое знание; и одной и той же наукой могут увлекаться разные люди, и

каждый по-разному, смотря по своей натуре, своим личным особенностям. Но, чтобы увлекаться какой-либо наукой, необходимо иметь некоторое понятие о ней — что она такое и чем она занимается и что ею сделано до сего дня? Ответить на первый вопрос — это значит дать определение данной науки. Ответить на второй вопрос — это значит дать программу ее. Определить что-либо — это значит указать особенности, основные характерные качества.

Но и этого мало. Одни характеристики разных наук еще не могут удовлетворить начинающего читателя, так как они еще не уясняют ему достаточно отчетливо, о чем же, собственно, идет речь в такой-то науке. Необходимо развернуть перед читателем и программы этих наук, указав при этом, в виде хотя бы самого краткого конспекта, ряд тех вопросов, которые уже выяснила им или еще уясняет каждая наука. Такой программкой может служить любой более или менее хорошо составленный учебник по данной науке, даже его оглавление, если оно разумно и систематически составлено. Одна из задач такого оглавления в том и заключается, чтобы дать в руки читателя возможность систематически обозревать данную отрасль знания, видеть целиком ее систему. Практика показывает, что для работы над самообразованием крайне важно иметь в руках такую систему-программку или конспект, развертывающий схему данной науки. Тем более важно иметь, в целях выработки общего миросозерцания, такие программки-системы по всем главнейшим отраслям знания[16]. Совокупность таковых и есть не что иное, как система миросозерцания.

Конспект-программка не может не давать руководящей нити и в деле приведения в систему тех знаний, какие получаются из других книг. С программой в руках читатель может приобретать указанные в ней знания и по другим книгам. Ведь не в том суть дела, из каких именно книг приобретать знания, — важно действительно приобретать их.

Мы особенно рекомендуем читателям, уже прошедшим первые ступени самообразовательной работы, приобретать знания по нескольким книгам, а не по одной, прочитывая об одном и том же вопросе у нескольких авторов и сравнивая то, что они говорят об одном и том же. Поскольку у них находится нечто общее, постольку чтение нескольких книг об одном и том же явится для читателя как бы повторением пройденного; поскольку же в них найдется нечто разное, постольку это разное может послужить хорошим материалом для критического мышления. Впрочем, такой прием изучения для многих начинающих читателей оказывается довольно трудным.

Интересно затем сравнивать запас знаний, вынесенных из прочитанной книги, с общей программой той науки, к области которой эта книга относится.

Этим и исчерпывается общий ход теоретической самообразовательной работы. К ней следует еще прибавить посещение библиотек, курсов, музеев, экскурсий и т. п.

Настоящий экзамен своей образованности человек держит в жизни, и, чтобы выдержать его, необходимо проявить себя хоть в какой-нибудь области жизни. В какой же именно области и кто из читателей и в какой именно степени проявит себя? Это опять-таки вопрос индивидуальности — личного склада ума, характера, темперамента и всяких других особенностей данной личности.

Мы резко восстаем против тех читателей, которые полагают, что «вот сначала я подготовлюсь теоретически, а затем проявлю себя и практически». Теория и практика никогда не должны быть разделяемы, равно как и книга и жизнь. **Каждый** отдел самообразовательной программы, **каждый** шаг в самообразовательной работе должен быть обставлен **практическими занятиями**. Усвоение теории должно идти параллельно знакомству с практикой.

В чем может выражаться практическое узнавание теории? Оно может выражаться разными способами, различными не только по форме, но и по существу, смотря по предмету.

Тот читатель, который, читая какую-либо книгу, думает, что ее содержание вроде как с неба свалилось в готовом виде, не знает и не понимает самого главного. Наука — это не есть добытое раз навсегда знание, наука есть **постоянное узнавание**, не только открытие, а открывание, вечное накопление все вновь и вновь констатируемых фактов, а также накопление идей и методов.

Одного лишь теоретического знакомства с методами изучаемой науки для самообразования абсолютно недостаточно, — никоим образом. Как же испытать и попробовать методы? Это всякому школьнику известно давным-давно. Такое пробование методов и называется практическими занятиями. Мы уже упоминали выше, что нет такой отрасли знания, в которой не было бы соответственных ей практических занятий. Нельзя изучить арифметику, не решая задач; нельзя изучить гражданского и уголовного права, не занимаясь решением задач по этим наукам. Студенты, изучающие историю, возятся со старинными хартиями[17] и рукописями, из которых наука истории черпает свои факты; участвуют в раскопках старинных могил, учатся рыться в сотнях книг, чтобы иной раз написать для своей диссертации какую-нибудь одну страничку, а то и строчку.

О значении практических занятий для изучения естественных наук и говорить не приходится. Нельзя знать ботаники, не занимаясь определением родов и видов растений; нельзя изучить физики и химии, не делая опытов и наблюдений. Не пройдя школы практических занятий, никакой студент не сделается действительно знающим человеком и не сможет двигать науку. А о том, чтобы принять участие и в этой работе, — это должно стать идеалом всякого стремящегося к самообразованию.

Не следует думать, что наука уже знает все и что для того, чтобы ее двигать, непременно нужны кабинеты, лаборатории, дорогие приборы, огромные библиотеки и т. д. Эдисон[18] смастерил свой первый фонограф без всякой лаборатории. Многие технические и механические изобретения сделаны нигде не учившимися фабрично-заводскими рабочими. Самая суть этих изобретений не в обстановке изобретателя, а в его уме и воле. По крайней мере, в настоящее время, думается нам, изобретения и открытия, действительно важные и полезные, заглохнуть уж никак не могут.

Есть много истин, которые держатся на голословном утверждении, которому, в сущности, грош цена: «там-то так сказано, такой-то так сказал»… Но ведь вся суть не в том, что «сказал», а в том, верно ли сказал. Иной раз факт как будто не подлежит никакой проверке, например, он случился тысячи лет тому назад. Как подойти к его проверке и исследованию? Но вот в том-то и состоит величие, и сила, и красота науки, что она ухитрилась найти способы подходить и к таким фактам, к которым как будто бы и не подойдешь, и нашла такие способы, в которых и сомневаться нельзя, потому что они проверены и всегда могут быть проверены. Например, кто не знает, что на солнце и на звезды не влезешь? А при помощи спектрального анализа, т. е. особого, очень тщательного изучения световых лучей, идущих от солнца и звезд, можно узнать и о том, что на них имеется! Кто не знает, что в старинных книгах говорится подробно о всемирном потопе? Как проверить это сказание? А вот в Мессопотамии нашли множество кирпичных плиток и на них какие-то странные знаки, вроде узоров. Наука догадалась, что это не знаки, а письмена; в этих письменах наука догадалась различить слоги и буквы, прочитала слова, узнала звуки этих слов; по этим звукам узнала, что и теперь есть народы, говорящие на сходном языке, расследовала эти народы и их язык, узнала по этому теперешнему их языку об их старинном языке; попробовала приложить знания, добытые таким способом, к пониманию письмен — и поняла их; затем узнала, что на некоторых кирпичах говорится о большом местном наводнении и говорится почти

теми же словами, как и в Библии; узнала, таким образом, что именно эта последняя заимствовала рассказ о потопе из ассиро-вавилонского предания о большом местном наводнении; далее, совсем другим способом, исследуя берега моря, ветры, их распределение и толщу земную, узнала и о том, как и почему случаются иногда такие самые местные наводнения и в других местах.

И в конце концов факт, как будто бы и недоступный проверке и критике, оказался и расследованным и проверенным, и наука пришла к выводу: да, когда-то наводнение было, но только местное, а не мировое.

Этот пример отлично доказывает, что критике и проверке и предела нет. Ум человеческий, опирающийся на исследование фактов, — величайшая сила. Вот хоть частичку-то такой силы и необходимо вложить в себя, чтобы и самому сделаться сильнее.

Для каждой отрасли знания имеются книги, в которых говорится о методах, в ней применяемых для открытия истины. С этими книгами особенно важно знакомиться: самый процесс искания истины необходимо всегда иметь перед глазами. Но книги, трактующие о методах, говорят о них лишь в общих чертах. Поэтому, где только можно, как только можно, необходимо самому практиковаться и в приложении разных методов к изучению жизни.

Берем беллетристику. Одно дело только читать ее и затем изучать с исторической точки зрения, и совсем другое дело — знакомство с методом беллетристического и вообще художественного творчества, со способами созидания своих произведений, практиковавшимися великими художниками, каковы, напр., Гюго, Толстой, Гете и т. д. Зная, какая масса труда у них ушла на наблюдения, собирание материалов и их обработку (и какую обработку!), читатель уже иначе отнесется к роману, им читаемому.

Вот, например, беллетристика, трактующая о самой интимной стороне жизни человека. Какими способами художники создают свои произведения? Прочитайте, как, например, работал Золя, как он усиленно и вдумчиво собирал материалы для своих романов и из собранного по мелочам сооружал свою эпопею буржуазного строя — серию «Ругон-Маккары». Прочитайте, как метался по всей России Глеб Успенский, наиболее замечательный выразитель русской народной души в XIX в. Прочитайте исследования о процессе художественного творчества, об отыскивании «человеческих документов», о приемах разработки и принципах критики их и т. п.

Пусть читатель сам попробует собирать и обрабатывать

материалы, лежащие в основе беллетристической критики, самолично вглядываться и вдумываться в людей и в человеческие отношения, стараясь понимать их самую глубокую, интимную сторону, их индивидуальные особенности, делать наблюдения над окружающей и текущей жизнью, ход которой по-своему интересен, но и своеобразен в каждом уголке земли; пусть читатель сам попробует описывать виденное им и испытанное, — он таким способом лучше всего оценит и поймет, так сказать, волевую сторону беллетристики. И тогда о многих авторах он спросит: «С кого ж они портреты пишут и где такие речи слышат?» Если же и читатель сам вздумает писать, не говорим «для других», для читателей, а для себя, для выработки в себе уменья жить, он тем более должен будет вдумываться и всматриваться в жизнь.

Но еще важнее для читателя знакомство с методами исторической науки, утилизирующей целые сотни разнообразнейших приемов искания исторической истины, от раскопок и фотографии до психологии великих людей включительно Как пишутся книги по истории? Исследуются старинные рукописи, книги и документы, перерываются архивы, делаются раскопки, действует по всем правилам историческая критика, оценивая разными способами собранные материалы. Попробуйте и вы покопаться в разных материалах, стремясь понять какое-либо одно интересующей вас событие, поройтесь в книгах, прочтите о нем разных авторов, хоть по нескольку страниц из них сравните, сопоставьте их взгляды, разберитесь в них, побывайте в музеях…

Зоолог, стремясь познать закон животного царства, изучает жизнь всевозможных животных, и устройство их тела, и его деятельность и от фактов идет все дальше и дальше по лестнице обобщений. Он наблюдает, он даже делает опыты, он обобщает то, что узнал таким способом; наконец, он делает выводы из этих своих обобщений и затем проверяет их опять-таки фактами, наблюдениями, опытами. Совсем не так поступает математик. Решая какую-нибудь сложную задачу, он рассуждает, он разлагает свой вопрос на части, разбирает затем каждую часть отдельно. От истин общих он переходит к истинам все более и более частным. Вся его работа состоит главным образом в том, чтобы умозаключать правильно, — разумеется, тоже проверяя себя. И зоолог, и математик — представители точного знания. И математика, и зоология — науки точные.

Все отрасли знания имеют свои практические занятия, свою технику. Нужно самому попробовать ее. К этому и нужно стремиться прежде всего. Даже для изучения философии не

приходится ограничиваться усвоением чужих взглядов, — приходится сопоставлять мнения не только самих философов, но и их толкователей. Это своего рода практические занятия по философии. Только в делании вы почувствуете, в чем заключается у вас недостаток знаний и в чем делает промахи ваше мышление. И только с такою проверкой самого себя путем делания вы сделаетесь действительно образованным человеком.

Нам скажут, что, прежде чем приняться за практику и применение метода, нужно познакомиться с теорией и фактами хотя бы в самых общих чертах. Совершенно правильно. Но у нас не об этом идет речь. Мы только утверждаем, что для человека, работающего над самообразованием, во всех смыслах выгоднее знакомиться с теорией и практикой по возможности одновременно — так, чтобы воля и ум работали не последовательно, а одновременно, и что центр тяжести самообразования там, где действует воля человеческая. И чем больше и ярче она проявится, тем больше значение этой работы для самообразования и образования.

Мы настаиваем на том, что всякий работающий над самообразованием должен ввести распространение приобретаемых им знаний в свою программу. Не ждите той минуты, когда другие придут и попросят у вас поддержки в их самообразовательной работе: нет, сознательно, планомерно, неудержимо сами зажигайте в других такое стремление. И знайте: такая ваша деятельность, такое применение вашей воли вам самим даст не меньше, чем сколько вы дадите другим.

Можно быть специалистом в какой угодно профессии, но все специалисты должны, по нашему глубочайшему убеждению, во всяком случае сделать из себя, еще, кроме того, специалистов по части распространения знаний и, изучая методы наук, изучать вместе с тем и методы распространения этих наук. Здесь приложение воли и проявление лучших сторон человеческой личности доступны несомненно всякому. Повторяем, — это очень важная сторона самообразовательной работы…

Как читать, чтобы возможно больше оставалось в голове?

Вот как надо читать: всегда остается то, что тобой самим передумано и перечувствовано во время чтения книги и по поводу чтения книги. Ползать глазами по буквам, да словам, да страницам — не чтение. Видеть да запоминать — это тоже еще не чтение. Надо переживать — надо чувствовать, одевать чужие слова в плоть и кровь так, чтобы они становились как бы самой жизнью. При чтении книги замечай не столько слова, сколько смысл слов: соображай, в каком смысле они сказаны, что именно они означают, что имеют в виду, к чему именно эти слова

относятся и должны быть тобой отнесены, т. е. с чем должны они быть связаны в твоем уме. Первое дело — понять смысл слов, написанных в книге. Второе дело — припомнить то, что соответствует этим самым словам в окружающей тебя жизни или что им не соответствует, — иначе говоря, припомнить факты, согласные или несогласные с читаемой книгой. Третье дело — надо представить себе, вообразить эти самые факты, т. е. мысленно увидеть их, и к тому же возможно ясней, отчетливей, словно они происходят перед тобой и захватывают, затрагивают всего тебя, твой ум, и твои чувства, и волю, и пробуждают стремления к ним или от них. Это и значит переживать то, что читаешь. Четвертое дело — надо оценивать то, что читаешь. Пятое дело — надо не только оценивать читаемое, но и переделывать свое собственное поведение, свою жизнь сообразно своим новым мыслям, хорошо продуманным и прочувствованным, — сообразно своему новому пониманию жизни.

В процессе усвоения книжного содержания играет громадную роль и внимание. В зависимости от того, развито или не развито оно у данного читателя, находится и качественная, и количественная стороны чтения. Внимательный читатель выносит из чтения гораздо больше, чем невнимательный, и потому может почерпнуть из меньшего количества книг или из книги более сжато написанной то, что читатель невнимательный может впитать лишь из большого числа книг. Внимательный читатель этим самым выгадывает время. Читатель с малоразвитым произвольным вниманием не умеет, даже не в силах сознательно и планомерно сосредоточивать своих мыслей на читаемой книге; его воля не руководит его вниманием; такому читателю чрезвычайно трудно читать ту книгу, которую нужно читать. По крайней мере это самое «нужно» не руководит им настолько, чтобы содержание читаемой книги быстро и в должном количестве запечатлевалось в его уме. Такого типа читателю особенно важно подбирать для себя книги захватывающие. Но что значит это слово?

Вообще захватывающих книг не существует, потому что людей разных захватывают разные книги, овладевая их вниманием по-разному в разный момент. Захватывающая книга — значит прежде всего книга интересная, в высшей степени интересная для данного читателя, в данный момент его жизни. Интерес же — дело наживное. Интерес может возбудить то, что уж чересчур неожиданно, ново, то, что непосредственно касается человека и влияет на его жизнь. Интересно то, что задело человека за живое, т. е. вызвало в нем взрывы чувств.

Разумеется, сам читатель должен думать о том и давать себе самому отчет: что же, собственно, могло бы его заинтересовать теперь в наибольшей степени?

Даже одна постановка такого вопроса помогает многим, и с этого-то они и начинают свои занятия над самообразованием. Затем остается искать книгу, которая дает ответ.

Предыдущее читательское свойство находится в теснейшей связи с уменьем усваивать содержание читаемой книги. Но что значит усвоить ее содержание? Это значит не только вложить его в свою голову, но еще так вложить, чтобы оно там срослось с тем, что уже раньше было вложено туда же, — так, чтобы новые мысли слились с прежними, подкрепили или опровергли их, чтобы факты прибавились к фактам, нашли свое место и, таким способом, как бы «пустили корень в читательской душе». Если какая-нибудь идея пускает корень, — это значит, она приходит в связь, сливается со многими другими. Но особенно важно, чтобы она пришла в связь с определенной группой ощущений и житейских впечатлений…

Настоящее усвоение предполагает связь идей, эмоций, волнений, поступков, — предполагает ассоциации, связи всего этого. Разные люди обладают далеко не одинаковой способностью усваивать книжное содержание в этом смысле. Иные делают это очень быстро и прочно, другие хоть и обладают ею, но так, что образовавшиеся ассоциации идей, чувств, действий хотя легко и образуются, но и легко разрушаются. О такого рода читателях и писал когда-то Некрасов в своей поэме «Саша»: «…что ему книга последняя скажет, то на душе его сверху и ляжет». Пример того, как не следует читать хорошие книги.

Читатели для лучшего усвоения должны прибегать более или менее часто к повторениям усвоенного. Правда, повторение это выгоднее вести по другим книгам, чем какие читаны были в первый раз: легко воспринимая новое, они не могут не извлекать из подсознательной области и старое — то, что вошло в эту область когда-то, но не осталось в области сознания.

Читателям следует подбирать книги для последовательного чтения таким способом, чтобы при помощи вновь читаемых книг повторять вместе с тем и прежде узнанное из той же области. Им невыгодно быстро переноситься из науки в науку, из одной области в другую без переходных звеньев, напр., сразу переходить от истории к астрономии и вообще делать подобные скачки. Выгоднее перейти от одной к другой постепенно, путем медленно расширяющегося связывания образов и идей. И это повторение, и более полное и разностороннее ассоциирование их нередко помогает укреплению и углублению прочитанного.

Выбирая для себя книгу даже не только научную, читатель неизбежно предъявляет к ней следующий вопрос: да окажется ли она достаточно понятной для меня, для такого, каков я теперь? Не требует ли она от меня, для своего понимания, гораздо больше знаний и более высокого умственного развития, чем те, какие у меня имеются?

Все существующие книги можно распределить, более или менее удачно, по восходящим или нисходящим ступеням относительной трудности их понимания. Обыкновенно такое распределение и делается. Есть книги, доступные читателям, получившим образование ниже среднего, книги предполагающие в читателе среднее образование, или даже высшее, или даже специальное. Правда, эти четыре главнейшие категории не резко разграничены одна от другой; кроме того, учебные заведения, дающие специальное образование в одной какой-либо отрасли знания, дают лишь начальные сведения в другой, а среднее или высшее — в третьей; во всяком случае, один и тот же человек, если можно так выразиться, стоит, в разных отраслях знания и развития, на разных уровнях. Но, тем не менее, самые эти уровни и различимы, и поддаются определению. Книжник, хорошо знающий книжные богатства не только с внешней стороны, может даже определить более или менее точно, какая книга какую книгу дополняет, продолжает, углубляет и т. д. Такого рода знания даются более или менее легко всем тем, кто имеет около себя много книг и кто привык, и умеет, и любит рыться в книгах — привычка, уменье и любовь, приобретение которых нельзя не признавать особенно желательными и даже необходимыми для каждого читателя, а тем более систематически работающего над самообразованием.

Для укрепления и углубления получаемых знаний очень полезно и даже необходимо рассказывать, излагать их другим людям — тем, которые еще не имеют их. Рассказывая другим, проверяешь и самого себя: ведь неясно понятое неясно и рассказывается, а кроме того, вызываешь возражения, опровержения и недоверие со стороны слушающих; а это показывает, выясняет самому рассказчику, в каком смысле требуется для него улучшать, дополнять, совершенствовать свои знания. О том, что сам узнал, надо рассказывать другим при всяком удобном случае. Надо пробуждать интерес к знаниям и к образованию в других и вообще всеми силами стараться, чтобы на свете стало возможно больше людей образованных и стремящихся к дальнейшему своему образованию. Надо не только собирать семена знания, но и сеять их. Эта полезная работа доступна решительно всем и каждому. Некоторые робкие люди не

принимаются за нее из-за своего неумения говорить. Но ведь и этому можно научиться в значительной степени: не всякому дано сделаться блестящим оратором, но всякий, тем не менее, может научиться говорить связно, толково и понятно. С этой целью надо практиковаться и излагать свои знания. А это надо делать не только перед отдельными людьми, но и перед многими сразу. Такое рассказывание учит не только говорить, но и думать, и к тому же быстро думать, а также еще и угадывать желания слушающих и идти им навстречу. А такое угадывание — великая сила. Надо быть посмелее: трудны лишь первые шаги.

Есть одна форма совместной работы, по нашему мнению, очень важная, солидная и плодотворная. Заключается она в том, что каждый из участников работает у себя на дому, отдельно, — совместно же ведется лишь обсуждение того, что дано такой работой. При этом каждый из участников ведет свои занятия не по тем же книгам, как другие, а, напротив, все по разным, причем эти книги каждый участник подбирает для себя, смотря по своей индивидуальности. Так, например, интересует вас вопрос о происхождении мира. Вы ставите его на очередь, на такой-то день и час. Кто-либо из участников, по хорошим источникам, намечает в общих чертах программу данного вопроса, конспект его, для того, чтобы по этой программе велось совместное обсуждение. Затем все участники запасаются разными книгами. Каждый внимательно знакомится с выбранной им для себя книгой, затем все собираются вместе, и кто-либо из участников начинает устный доклад о прочитанном, за которым следуют дополнения, поправки, запросы, дебаты[19] со стороны других участников, и не «от ветра главы своея» (т. е. не от того, что вдруг придет на ум. — Сост.), а с некоторой уже подготовкой, с запасом новых и разнообразных фактов и своеобразных идей.

При такой постановке совместной самообразовательной работы действительно создается нечто интересное для участников, хотя и не требующее от них подчас непосильного писания рефератов и т. п. Все дело тут в чтении и в рассказах о прочитанном, хотя бы даже с конспектом в руках. Каждый участник должен при этом настолько внимательно и разумно читать взятую им книгу, чтобы действительно суметь рассказать другим самую ее суть достаточно ясно и толково; каждый идет при этом к другим, чтобы услышать от них кое-что новое, дополнительное и интересное, и выраженное к тому же и в терминах людей более или менее к нему близких по возрасту, положению, подготовке и т. п. Та же постановка приучает и к изложению мыслей, и к дебатам, и к защите своих мнений, она же наводит на новые и новые вопросы, относящиеся к данной

области жизни и знания, заставляет искать ответов на них и т. п. и, кроме того, спасает участников от многословесной шумихи и болтовни, не опирающейся на факты и на знания. Этой шумихи и болтовни нужно особенно остерегаться как безусловно вредной для самообразовательной работы.

Разумеется, для такой совместной работы можно выбирать какие угодно темы, вопросы, области знания и жизни — прошлой, настоящей, а если угодно, и будущей, — все это зависит от участников и от того, что их интересует.

Помогает усвоению и реферирование[20], составление конспектов, делание выписок и т. д. Что касается до конспектов и выписок, то, говоря о них, прежде всего не следует забывать, что общих правил для их ведения тоже нет и быть не может. Каждый составленный самим читателем конспект (должен быть) своего рода программой прочитанной книги. Особенно полезно составлять такие конспекты-программы по многим книгам.

Выписывать надо то, что труднее запоминается или труднее понимается. Иной худо запоминает факты, другой — мысли и рассуждения. Надо стараться записывать понравившиеся места, лучше всего, если не просто переписывать, а выражать по-своему, т. е. своими словами, иначе говоря, переводить слова книги на свой собственный язык. Особенно полезно составлять конспект, т. е. краткий пересказ читаемой книги. Весьма полезно составлять такие конспекты для всех прочитанных научных книг, так, чтобы иметь всегда под рукою по каждому отделу маленькую библиотечку из таких конспектов, тобою же составленных. Безусловно необходимо составлять конспекты тех книг, которые не только читаешь, а и изучаешь. Их составление помогает и запоминанию главнейших фактов, и усвоению главнейших мыслей, и приведению получаемых знаний в порядок (в систему). От времени до времени необходимо перечитывать конспекты, повторять и всячески стараться, чтобы все приобретаемые знания не лежали в голове вроде как по отдельным ящикам, а были бы слиты между собой, подобно тому как слиты и разные стороны окружающей тебя жизни.

О ЧТЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Чтение беллетристическое и научное взаимно дополняют друг друга. Одно предполагает другое. Значит, одно неотделимо от другого, и потому оба должны идти параллельно, отнюдь не в ущерб друг другу…

Чтение романов, повестей, драматических произведений, стихотворений и т. д. должно входить в программу самообразовательной работы не только как ее необходимая, составная часть, но и как одна из самых существенных частей ее. Беллетристика (предполагаем, разумеется, хорошую беллетристику) рисует перед читателем живых людей, личность с ее переживаниями, ее борьбой и страданиями. Никакая другая отрасль литературы не в силах раскрыть перед читателем столь же ярко и образно этого реального, живого человека со всеми его переживаниями, как это делает именно беллетристика.

Но беллетристика дает читателю еще нечто не менее ценное: она, так сказать, сводит с отвлеченной высоты вниз к земле и знания, и философию, и вообще отвлеченную мысль. Научные книги полны отвлеченных теорий и идей Но ведь эти идеи и теории лишь тогда приобретают ценность, когда они спускаются с неба на землю, входят в душу человеческую, завоевывают человека, производят в нем и с ним перемены, видоизменяют его поведение, его отношения к другим людям и к строю всей жизни. Именно это и помогает делать беллетристика. Рисуя интимного человека, она рисует и воплощение идей и теорий в жизни. И нет иного лучшего способа оценить и понять их.

Прочтите, например, роман «Братья Карамазовы» Достоевского. Это произведение столь же беллетристическое, сколько и философское, «Жерминаль» («Углекопы») Золя — роман не только художественный, но и социальный, и т. д. Словом сказать, беллетристика может дать и дает читателю как научные знания, так и философские и социальные идеи, не переставая вместе с тем быть беллетристикой и не теряя своей художественности.

Из предыдущего следует, что читатель, стремящийся к самообразованию, должен использовать и беллетристику во всех смыслах и читать ее так, чтобы почерпать из нее не только то, что обыкновенно из нее черпается («приятное чтение»), а возможно больше. Самая яркость художественной формы позволяет ждать от беллетристического чтения кой-чего такого, чего многие

читатели не могут ждать от чтения научного Не мешает здесь сказать несколько слов, как это нужно делать.

Огромное большинство читателей, почитывающих беллетристику (и даже только беллетристику), обращают свое внимание почти исключительно на сюжеты, фабулы, на общее развертывание романических событий. Другие читатели главным образом восхищаются красотою формы, образностью, художественностью изложения, которая в беллетристике играет, разумеется, очень важную роль. Правда, и сюжет, и форма изложения — дело очень важное в этой области литературы. Но все же в деле самообразовательного чтения обращать внимание только на это — еще мало. Читая о событиях, описываемых, например, в романе или поэме, нельзя не поставить и такого вопроса, и нельзя не поискать своего ответа на него: почему же именно такие-то (описываемые здесь) люди при таких-то обстоятельствах именно действуют так, а не иначе, и почему они чувствуют, переживают именно это, а не иное что? Ответы на эти вопросы можно дать, лишь вникнув в души описываемых людей, разобравшись в их душевных и иных качествах, свойствах, в чертах их характера, темперамента, воспитания и т. д., — словом, подумав и подумав над всеми описанными людьми.

Та же беллетристика во многих произведениях великолепно вскрывает все значение обстановки в выработке человеческой личности. Поэтому читатель должен, читая художественное произведение, задуматься и над этим, оценивая не только выводимых людей, героев и героинь, но и среду, изображенную в этих произведениях, — будь эта среда классовая или сословная (например, рабочая, крестьянская, купеческая), национальная (русская, немецкая и т. д.), историческая (наши времена, былые времена).

Высокое художественное произведение заставляет читателя волей-неволей думать, над жизнью, оценивая не только людей, но и самые способы оценки, размышляя об основных вопросах жизни, об ее цели, смысле, ее правде и неправде и т. д.

Но и это еще не все. Ведь за тем, что изображено, стоит тот, кто изображал, — за произведением стоит его автор, его творец. Правда, оценивать произведение можно и как таковое, не входя в личную жизнь автора. Но еще глубже можно понять и оценить произведение, если вникнуть в самую работу творчества, а это возможно сделать, лишь вникая в

Личность творца и круг идей его и в то, что их создало. Кто же автор и что он? Произведение — частичка его души, ее создание. А что есть в этой самой душе? Великая ли она или мелкая? И насколько великая и насколько мелкая? И какому богу

или богам она служит? В каком направлении действует? В чью пользу данный автор пишет? Обольщаться нечего, — есть произведения, даже выдающиеся, служащие тем не менее богу тьмы, лжи и насилия — узким интересам, извращенной или корыстной личности, класса, сословия и т. д. Читатель не должен поэтому останавливать свою мысль на изучении и на оценке только самого произведения, — он должен перейти от него к изучению и оценке автора, иначе говоря, познакомиться с его биографией, с его жизнью, с условиями этой жизни…

Но и это еще не все. Надо узнать и оценить и то направление, в котором действует или пишет автор. Иной раз не так-то легко узнать направление данного автора. Много есть авторов, симпатии и антипатии которых неясны, а иной раз и безразличны. Но немало и вовсе не безразличных. Читатель должен выработать в себе уменье и чуткость различать, улавливать направление автора, узнавать его настоящее лицо. История литературы дает множество примеров тому, что писатели выступали выразителями разных общественных течений и направлений. Так, например, Н. А. Некрасов, Гл. Успенский являлись печальниками горя народного, и прежде всего крестьянского, Болеслав Маркевич защищал интересы дворянства. Были и есть свои защитники и выразители и у духовенства, и у купечества, и у финансистов и т. д., и все их интересы и симпатии, сознательно или бессознательно, отразились и на их произведениях.

Для понимания художественного произведения необходимо вдуматься не только в личность автора, но и в самую суть того направления, тех интересов, классовых, сословных и т. д., которым он в свое время служил.

Но данный автор, что бы он ни написал, никогда не стоит особняком. Он — один из многих, принадлежащих тому же направлению, тому же веку, тому же народу. И форма, им усвоенная для его произведений, и сюжеты, им выбираемые, и способы, манеры трактовать их — все это тоже обыкновенно не стоит особняком, а является одним из фактов в ряду других литературных и общественных фактов. Чтобы оценить писателя и его произведение, необходимо взглянуть на него и с этой стороны, т. е. со стороны истории литературы и истории литературных сюжетов, идей, формы. Все они преемственны, все показывают определенный ход развития. Автор от автора, век от века, народ от народа заимствует их, дополняет, развивает, вводит в жизнь.

Каждый автор, каждое произведение есть лишь звено, одно из звеньев длинной цепи литературного развития, которое и

изучается историей литературы. Правильное, окончательное понимание и оценка литературного произведения со стороны как содержания, так и формы только и возможны исторически. Таким образом, к оценке автора и его направления в смысле содержания еще присоединяется его литературно-историческая оценка. Так беллетристика, история литературы и история как бы сливаются, взаимно дополняя и углубляя друг друга.

Из предыдущего в достаточной степени видно, что значит с толком читать беллетристику. Такое чтение открывает действительно большой простор мысли и ведет к пониманию жизни разными путями: во-первых, посредством изучения и обсуждения самих произведений, во-вторых, изучения людей, переживаний типов, в них изображаемых, в-третьих, авторов их, в-четвертых, изучения тех направлений как литературных, так и общественных, выразителями которых те явились, наконец, в-пятых, изучения того века, той исторической среды, которыми были созданы и автор и его произведения. Только познакомившись со всем этим, читатель действительно получит возможность составить свое мнение о данном произведении, о данном авторе.

Но и это еще не все. Что значит мое мнение о данных произведениях или авторе? Это значит мнение субъективное[21], мнение одного лица, т. е. человека с таким-то складом ума, с такими-то особенностями души, характером, темпераментом и т. д. Другие читатели с другими особенностями, как известно, имеют другое мнение о том же самом произведении. Для оценки всех этих мнений интересно и важно их сравнивать, сопоставлять между собой, а с этой целью знакомиться с критическими статьями, написанными разными критиками и историками литературы об определенном произведении. Знакомство с ними несомненно помогает читателю вдумываться еще глубже. Разумеется, и к самим критикам и вообще к высказываемым мнениям нельзя не приложить той мерки, какая, как мы видели, должна быть прилагаема и к авторам.

Критики разных литературных и общественных направлений оценивают одно и то же произведение по-разному Интересно сопоставлять и сравнивать их взгляды между собой, разбираясь во всех «за» и «против», ими высказываемых, и понимая относительность и условность их всех; ведь мнение каждого рецензента и критика все-таки, в конечном итоге, не более как мнение, одно из мнений, им же несть числа, — правда, мнение более или менее сведущего и мыслящего человека, но во всяком случае тоже подлежащее критике и проверке. Таким образом, понимание беллетристических произведений еще более

углубляется, и читатель, практикующийся в таком углубленном их чтении, действительно делает для себя большое дело, не только расширяя свой кругозор и учась относиться вдумчиво к явлениям жизни и составлять обо всем свое собственное мнение, но и испытывает при этом такое наслаждение собственным мышлением, какого не знает и не ведает шаблонный читатель шаблонной беллетристической дребедени.

Из всего предыдущего естественно вытекает такой план чтения книг по беллетристике:

1. Читать беллетристические произведения в связи с биографиями их авторов, критикой, историей литературы, историей общественного строя и научно-философской и литературно-общественной мысли.

2. Положить в основу выбора беллетристических произведений не только их непосредственно жизненное, но и историческое значение.

3. С этой целью прежде всего наметить себе наиболее выдающихся авторов как родной литературы, так и иностранной.

4. Далее, из числа произведений каждого такого автора наметить наиболее выдающиеся и характерные — и их-то и читать.

5. Чтение вести от авторов наиболее близких к далеким, т. е. от русских к переводным, от новейших к старинным[22].

6. После этого читать биографию автора.

7. После прочтения всех намеченных произведений данного автора и его биографии читать по нескольку критических статей о них.

8. Познакомившись с целым рядом выдающихся авторов, с их произведениями и биографиями, читать историю литературы того времени, представителями которого эти авторы являлись.

9. Для дальнейшей оценки самой истории литературы данного периода читать книги по истории общественной жизни этого периода и ее строя.

Таким образом, углубляя и углубляя свое чтение, читатель более или менее незаметно переходит от чтения беллетристических книг к чтению научных книг.

Читатель, стремящийся к самообразованию, должен прежде всего познакомиться с произведениями русской литературы, начиная с ее наиболее выдающихся (классических) представителей, затем, всегда не переставая, следить за ходом ее современного развития, знакомясь из текущей журналистики с новейшими русскими авторами…

Говоря о систематическом чтении по беллетристике, нельзя не разделить всех беллетристов на три главные категории.

К первой относятся те из них, которые обязательно должны быть прочитаны каждым мало-мальски образованным человеком, ввиду их первостепенного значения в истории не только русской литературы, но и русской общественной мысли.

Ко второй категории мы относим тех беллетристов, знакомство с которыми, ввиду их литературно-общественного значения, желательно и должно быть рекомендовано, хотя и не столь настойчиво.

К третьей категории мы относим современных писателей очень различных степеней дарования, но тем не менее выражающих литературно-общественные течения жизни, непосредственно окружающие нас, — ее веяния, с которыми не может не знакомиться каждый из нас, потому что эти веяния и составляют нашу злобу дня, и в их-то круговороте мы лично и существуем.

Что значит «вникать в литературное художественное произведение»? Это значит — стремиться понять и оценить его с разных точек зрения, — во-первых, со стороны его формы, т. е. построения, плана, слога, языка и т. п., во-вторых, со стороны содержания, т. е. сюжета, идеи, образов, характеров, типов, настроений.

Существует мнение, что особенностью художественного произведения, отличающей его от произведений прозаических, является его форма. Признавая за этим мнением некоторые основания, все же нельзя не сказать, что одна форма, независимо от содержания, во-первых, немыслима, во-вторых, действие ее на читателя не может быть отдельно от действия содержания, и во всяком случае эффект, результат чтения оказывается наиболее мощным и продуктивным лишь при условии наиболее полного соответствия формы и содержания.

Говоря о самообразовательном чтении беллетристики, оставим в стороне, по крайней мере для начала, те теории, которые, гоняясь за формой, пренебрегают содержанием, сводят поэзию к красивым звукам и т. п. Будем говорить и о форме, и о содержании как о двух сторонах, органически связанных.

Но и эти обе стороны, каждая в отдельности, возбуждают целый ряд вопросов, очень интересных и важных с точки зрения самообразования.

Мы останавливаем наше внимание главным образом на практике беллетристического чтения и поставим на первый план изучение форм художественных произведений в связи с их содержанием. Понимать художественность формы и развивать в себе художественное чутье, эстетическое чувство — такова одна из задач беллетристического самообразовательного чтения.

Вряд ли нужно доказывать, что вникание именно в художественное произведение, по существу, — то же самое, что вникание вообще в ту жизнь, которая в них изображена, разумеется, при том условии, если это произведение действительно художественное. Чем образованнее, разностороннее и вдумчивее читатель, тем глубже он и вникает в содержание книги и жизни и тем лучше оценивает и понимает их. Другими словами, в этом отношении приходится сказать читателям: сделайтесь образованнее, развитее, вдумчивее— тогда вы будете читать и беллетристические книги производительнее, чем теперь. Таким образом, вопрос о плодотворности чтения — это вообще вопрос образования, вопрос развития — умственного, нравственного, общественного. В этом отношении беллетристическое чтение идет дружным шагом с чтением научным, общеобразовательным. Как мы уже имели случай подчеркнуть, одно помогает другому; мы говорили также, что вникание в содержание художественных произведений имеет особенно важное значение в деле самообразования еще вот с какой стороны: оно помогает пониманию человека, человеческой души, ее переживаний, настроений, стремлений, идеалов и т. д. Но ведь понять человека, человеческую личность и в себе и в других, — это и есть самое важное и первое дело в области самообразования…

Личными переживаниями можно назвать такие, которые не касаются других людей непосредственно, общественными же те, которые касаются других людей непосредственно, выражаясь в определенных внешних отношениях данного человека к другому человеку (напр., любовь к людям, к семье, к кружку друзей, к своей общественной группе, классу, национальности, обществу, области, государству, к которому принадлежишь, наконец, к человечеству). Литературно-художественные произведения дают богатейший материал для анализа всех этих переживаний — и личных, и общественных. Беллетристика выражает, может выражать переживания человеческой души и не выразившиеся еще вовне, самые интимные, и выразившиеся внешние проявления их при всех таких столкновениях. В этом освещении общественных отношений с внутренней, интимной, психической стороны беллетристика не имеет для себя равных соперников.

Не забывайте, читатель, что, работая над самообразованием, вы должны учиться не только возможно ясно понимать, но и тонко ощущать и чувствовать жизнь. Беллетристическое чтение поможет вам в этом.

БЕЛЛЕТРИСТИКА КАК ОРУДИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Нужно ли, стремясь к самообразованию, выбрасывать за борт красоту, «прекрасное», эстетику, как это делалось когда-то, впрочем, не без глубоких оснований социального свойства… когда к эстетике относились нередко не только отрицательно, но и презрительно? Мы определенно и решительно отвечаем на этот вопрос: эстетика не подлежит выбрасыванию за борт.

Красота в широком смысле слова должна быть сознательно сделана одним из необходимых элементов жизни. Переживания эстетические должны занять свое определенное место рядом с другими высшими переживаниями души. Всякий человек, стремящийся развернуть все свои силы, должен стремиться не только к тому, чтобы сделать свою жизнь светлой, содержательной, полной, возвышенной, напряженной, но также и к тому, чтобы сделать ее красивой. Для этого же необходимо научиться чувствовать, понимать и ценить красоту. Красоту во всем — в природе, в человеке, в человечестве, в других и в себе самом, в своих переживаниях и действиях, стремлениях и мечтах и даже в мелочах и мелочишках жизни. Украшение ее, облагораживание ее при помощи красоты, понимаемой в возвышенном смысле слова, должно сделаться одним из элементов жизни каждого из нас. Научиться делать свою жизнь красивой не только с внешней, но главным образом с внутренней стороны, не только «на миру», но и «про себя» — это одна из целей самообразования, Человек живет и может жить действительно полной жизнью только тогда, когда он вводит в нее и элемент красоты.

Но, говоря о значении этой последней, не следует, впрочем, забывать, что есть красота и красота. Есть красота без содержания, точнее говоря, с ничтожнейшим содержанием, и красота с содержанием ценным и важным для жизни. Мы говорим только об этом последнем типе красоты. Мы отрицаем ту красоту, которая отрицает ради себя самой всякое содержание, потому что, думается нам, никакая форма, даже изящная из изящных, не может, не в силах скрыть, загородить собою пустого места, вместив, так сказать, пустоту в себя, набросив свою блестящую, яркую одежду иной раз на мерзость и пошлость, запустение и гниль. Красоте, являющейся лишь декорацией… не должно быть места в системе самообразования. Такая красота и такая эстетика являются отрицательными величинами.

Но можно ли научиться тонко чувствовать и оценивать красоту? Люди, совершенно не способные понимать, любить, оценивать и создавать красоту, очень редки и во всяком случае исключительны. Развивать чувство красоты в себе до известных пределов, зависящих от различных внутренних и внешних причин, может и должен всякий. Вводить элемент красоты во все свои житейские и иные отношения (а это мы и понимаем под словами «создавать красоту»), по нашему глубокому и искреннему убеждению, не только может, но даже обязан всякий. Речь должна идти лишь о том, как это сделать.

Могущественным орудием такого развертывания и развития эстетической стороны является эстетическое вникание в жизнь, ощущение красоты жизни и в жизни, т. е. и в природе, и в человеке, и в человечестве. Одним из важных пособий для этого вникания является изучение произведений так называемых изящных искусств, т. е. поэзии во всех видах и разновидностях ее (лирической, эпической, драматической), музыки, живописи, скульптуры, архитектуры и т. д., а если возможно, то и самых искусств. Вот что, думается нам, придает особую ценность и особенно важное значение изучению формы литературно-художественных произведений, — стремление развить в себе художественное чутье и вносить его во все проявления жизни.

К категории эстетических чувств относится и чувство смешного. Нужно поучиться и научиться и смеяться, дорогой читатель, но не пошлым, глупым, все высмеивающим смехом, не знающим ничего святого, превратившимся в зубоскальство идиотов, а тем святым, хотя, быть может, и жгучим смехом, каким умели смеяться Свифт, Диккенс, Салтыков-Щедрин и многие другие. Разные типы смеха: Аристофан — «Осы», Гоголь, Марк Твен, Мольер, Гейне, Чехов…

Вот некоторые практические указания, которые, быть может, поспособствуют читателю вырабатывать и развивать в себе эстетические способности.

1. Присматриваясь к жизни и к произведениям изящных искусств, постоянно старайтесь отделять в том, что вы видите, слышите, чувствуете, красивое от некрасивого, изящное от неизящного, грубое от тонкого. Иначе говоря, старайтесь при помощи сосредоточения вашего внимания усиливать ваши эстетические переживания, замечать красивое в формах, в проявлениях, в звуках, красках, движениях и т. д.

2. Старайтесь давать себе отчет в том, что (благодаря каким своим признакам и особенностям) лично вам кажется красивым или некрасивым.

3. Переживайте красивое почаще в ваших воспоминаниях и

стремлениях.

4. Делайте все возможное, чтобы творить красивое (т. е. вносите в ваши поступки, ваши делания, жизнь, поведение, работу то, что вы считаете красивым).

5. Почаще присматривайтесь к красивой природе и к произведениям изящных искусств.

6. Спорьте о вкусах. Критикуйте всякого рода моду.

7. Старайтесь оценивать проявления красоты и безобразия не только с эстетической, но и с нравственной, и общественной, и философской точек зрения, т. е. не только со стороны формы, но и со стороны содержания данных проявлений (или воплощений красоты).

8. Не забывайте и о тех, кто лишен возможности наслаждаться красотою. По мере своих сил помогайте эстетическому развитию других людей.

Из всех изящных искусств в деле самообразования имеет особенно важное значение, несомненно, поэзия, так называемая изящная словесность, и ее-то мы и ставим на первом месте. Но ограничить самообразование только ею, безусловно, неразумно и нежизненно… Мы глубоко жалеем тех людей, которые говорят о себе, не стыдясь своих слов: «мы музыки не любим», «мы красоты в живописи, или скульптуре, или архитектуре не понимаем». Ну, значит, и да будет стыдно и печально, что не понимаете! Где она есть, эта самая красота, там ее и нужно видеть и понимать. А с этой целью нужно научиться понимать. И поверьте, читатель, с вас требуется очень немного, да и требуется-то для вас же самих, — лишь не закрывайте ушей и глаз да почаще присматривайтесь и прислушивайтесь к прекрасному, а оно уж тогда само войдет в вас, — и каждое новое ощущение красоты все больше и больше будет приучать вас к ней, а значит, и приучать чувствовать и понимать ее…

Красоту нужно искать и в форме, и в содержании (в том, что изображается в данном художественном произведении, и в том, как изображается. — Сост.).

К каждому художественному произведению можно предъявить на основании вышеизложенного следующие вопросы:

1. Какие именно образы оно дает? (Образы чего именно — из области природы, человеческих переживаний и т. д.).

2. Как их дает? Язык, его гармоничность, звучность, яркость, красочность, грубость, банальность. Сравнения, олицетворения, метафоры, символы, фразы, обороты речи. Их шаблонность или оригинальность, ударность и целесообразность или неловкость всего этого и т. д. Стиль. Его простота, искренность, отвлеченность или конкретность, определенность, ясность, сила,

мелодичность, размеренность (ритмичность). Отделка Изящество. (В чем именно это проявляется.) Ко всему этому надо присмотреться или, точнее говоря, присматриваться, читая любое произведение. Хорошая хрестоматия и теория словесности могут служить очень полезными пособиями в такой самообразовательной работе.

3. Какие именно эмоции, чувства, настроения, стремления оно старается возбудить и возбуждает в данном читателе? (Особенность их, характер, например грустные, унылые, веселые, бодрые и т. д.).

4. Какие идеи проводит? (Их содержание, ясность, оригинальность, содержательность и т. д. Соответствие формы и содержания. Сюжет. Его развитие.)

5. Как, какими своими качествами возбуждает их? (Это достигается отчасти сюжетом, отчасти деталями, стилем, языком и т. д.)

6. Как и куда влечет читателя данное произведение, возвышает ли его дух или (бывает и это) принижает его? Влияние данного произведения на данного читателя в данный момент, в данной обстановке. Литература художественных произведений, как и вообще литература, искусство и наука, по существу, все-таки не более как орудия. А кто, как, с какой целью и за кого или против кого пользуется этими орудиями — это вопрос нравственности, вопрос сознания и совести, а также и в очень сильной степени — вопрос социального строя и истории.

На все вышепоставленные вопросы разные читатели, в большинстве случаев, дадут более или менее различные ответы. Но все-таки скажем им: ставьте вопросы и давайте ответы. Сами ставьте и сами давайте. Искать и формулировать эти ответы — это и есть ваше самообразование… Разумеется, не в тех вопросах, которые здесь поставлены нами, самая суть дела. Вопросы можно ставить разные и на тысячи разных ладов. Вся суть в уменье их ставить собственными силами. Вопросы, нами поставленные, именно эту цель и преследуют: не вам что-либо давать, а по мере возможности учить вас самих искать.

notes

Примечания

1

Письмо Н. К. Крупской из Парижа от 18 апреля 1911 г. хранится в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

2

ВОКС — Всесоюзное общество культурных связей с заграницей.

3

Письмо хранится в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Письма Г. В. Плеханова хранятся в архиве Н. А. Рубакина

5

«Новое Слово» и «Северный Вестник» — названия журналов, в которых печатались статьи, очерки и рассказы Н. А. Рубакина.

6

Письмо хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, фонд № 358.

7

Эклектизм — отсутствие последовательности в убеждениях, теориях, сочетание противоположных воззрений, например материализма с идеализмом.

8

Хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, фонд № 358.

9

Здесь и в некоторых других высказываниях Н. А. Рубакина есть повторения, но в каждом таком случае один и тот же вопрос освещается несколько по-новому — Сост.

10

Этика («нравственная мерка», как говорит Н. А. Рубакин) — наука о моральных, нравственных нормах поведения человека.

Коммунистическая этика включает в моральный кодекс строителя коммунизма такие нравственные принципы: преданность делу коммунизма, любовь к Родине, высокое сознание общественного долга, добросовестный труд на благо общества, гуманные отношения между людьми: человек человеку — друг, товарищ и брат, нравственная чистота, простота и скромность и т. д. — *Сост.*

11

Новая Программа КПСС ставит одной из первейших задач в области идеологии формирование у всех тружеников советского общества научного мировоззрения на основе марксизма-ленинизма. Партия стремится к тому, чтобы все советские люди понимали ход и перспективы мирового развития, правильно разбирались в событиях внутри страны и в международных вопросах, сознательно строили жизнь по-коммунистически, чтобы в поведении каждого человека и в деятельности каждого коллектива, каждой организации коммунистические идеи органически сочетались с коммунистическими делами. — *Сост.*

12

Догматизм — некритическое мышление, опирающееся на положения, принимаемые без доказательств. Догматизм характерен для всех теоретических систем, борющихся против нового, отстаивающих отжившее, реакционное, без проверки его в новых, конкретных условиях. — *Сост.*

13

Банальный (франц. — banal) — заурядный, избитый. — *Сост.*

14

В настоящее время у нас каждый год появляются миллионы новых книг. — *Сост.*

15

Экспонировать (латин. — exponere) — показывать. Другие способы показа книжного содержания, кроме заглавия, могут быть: предисловие или введение в книгу, оглавление, заключение или послесловие, аннотация (обычно помещается на обороте титульного листа), примечания, указатели к тексту, иллюстрации, рисунки, диаграммы. — *Сост.*

Такие программы печатаются в справочниках для поступающих в вузы и техникумы и отдельными выпусками, с указанием литературы по каждому предмету. — *Сост.*

17

Хартия — важный исторический документ, который в старину писали на пергаменте или папирусе. — *Сост.*

18

Эдисон Т. А. (1847–1931) — американский изобретатель, работал в основном в области электротехники и связи. В 1877 г. он изобрел прибор для механической записи и воспроизведения звуков (фонограф). — *Сост.*

19

Дебаты — обмен мнениями. — *Сост.*

20

Реферирование — составление рефератов. Реферат — изложение сущности какого-либо вопроса, публичный доклад, сообщение. — *Сост.*

21

Субъективное мнение — мнение, свойственное только данному лицу, субъекту, и определяется оно его личными взглядами, интересами или вкусами. — *Сост.*

22

Этот пункт, быть может, нуждается в дополнительном пояснении. Иным читателям кажется, что знакомство с произведениями прошедших времен необходимо для понимания новейших. Быть может, это отчасти и справедливо… Но ведь знакомство с литературными памятниками прошлых времен и их понимание более затруднительно, а кроме того, они дальше от непосредственно окружающей нас жизни, которую прежде всего и нужно научиться понимать. Большинство людей в жизни того-то и добивается. — *Н. Рубакин.*